

Вероника Мелан
Мистерия

Annotation

«Мистерия» — глубокий, многослойный, захватывающий роман, повествующий о девушке Тайре, обладающей способностью читать людские ауры и управлять энергией, о катастрофе, которая внезапно обрушилась на Мир Уровней, и о том, как Финляндия временно приняла в свои лесные объятия отряд специального назначения во главе с Бернардой. Знал ли Стивен Лагерфельд, которого в компании троих друзей — Дэйна, Баала и Аарона Канна — отправили искать загадочный Источник Знаний, что именно в этом опасном путешествии он встретит свою судьбу? Нет, не знал. А если бы знал... то отправился бы в логово к теням еще дважды-трижды-четырежды — столько раз, сколько нужно, — лишь бы только не пропустить ее, загадочную жительницу Архана — Тайру.

Вероника Мелан
Мистерия

(Oystein Sevag — Contact)

Раскаленный потрескавшийся асфальт жег босые ступни.

Если выждать, не шевелясь, какое-то время, то собственная тень остужала его — ровно настолько, чтобы подошвы переставали чувствовать тысячи острых иголок — но если сдвинуться на несколько сантиметров...

Жара, пекло, раскатившийся по небу в стороны на тысячи дулитов ад; вокруг тела едва заметно колыхалось марево. Кожа горела, плавилась, краснела и готовилась пойти пузырями — вечером лечить, чтобы завтра выставить на жор равнодушного солнца вновь.

Ни сесть, ни сойти в сторону и не отправиться в спасительную прохладную пещеру-камеру — рано. Дневные часы всегда для «загона».

Траекторию летящей монетки Тайра не увидела — услышала, как та упала на асфальт и покатила в сторону белой, нарисованной краской черты, пересекла ее, покружилась на ребре и замерла почти у самой ее ступни.

За деньгой, словно озверевшая гиена, и забыв, что пересекать зону своего квадрата нельзя, тут же кинулась рыжая Вариха.

— Это не твоя! Это моя! Мне кинули...

Тайра не шелохнулась; женщина «упала» в ее квадрат — чужие костлявые, похожие на ветки пересохшего дерева пальцы жадно пошарили по асфальту, нащупали у ее ноги бронзовый гельм и тут же сжались в кулак.

Послышались крики охранников.

— Куда лезешь, сутра сбрендившая!

— Моя монетка! Мне кинули! Это не ее! Ей случайно закатилась...

Вариху ударили. Наверное, палкой по ребрам, потому что крик вышел сдавленным и тихим.

Монетка... одна монетка, и такая высокая цена.

Нешадно пекло непокрытую голову.

Когда надсмотрщики отошли в тень, Тайра шевельнула руками — казалось, кожа на запястье спеклась в пласт, пережженную бумагу и скоро захрустит, покроется, как дюны в пустыне, трещинами — прикрыла глаза и принялась тонуть-плавать в привычных звуках: выкриках заключенных, шорохе чужой одежды, сумасшедшем смехе.

— Посмотри на меня! На меня! У меня лучше!..

Сверху, оттуда, где у ограждения, отделяющего обрыв от ямы-тюрьмы, стояли мужчины, раздалось одобрителное улюлюканье — кто-то снова показал грудь.

Голую грудь. Мужчинам.

Как можно?

По асфальту зазвенели монеты — много монет, и тут же послышались рыки, возня, дележка и женские визги. Вяло заругались надсмотрщики, но разнимать гологрудых не пошши: слишком хорошо шоу, чтобы его прерывать.

Впереди-справа зашлепали пятки — в тесном квадрате после непродолжительного отдыха вновь принялась танцевать Гарунда.

Тайре не потребовалось открывать глаза, чтобы это увидеть — она научилась отличать

на слух все, чем занимались остальные заключенные: жонглирование палочками, покачивания из стороны в сторону, танцы — все те действия, которыми желающие заработать на пропитание узницы, пытались привлечь внимание исключительно мужской публики.

Узниц можно было понять, но ежедневно собирающихся у «загона» мужчин? Зачем? Зачем приходиться каждое утро, чтобы посмотреть на обреченных, поглумиться над ними, похохотать, кинуть монетой или, что гораздо хуже и чаще, камнем? Какое наслаждение можно получить от вида обожженных солнцем, худых, измождённых и вынужденных неподвижно стоять в «квадратах», женщин?

Тайра знала, какое.

Все ждали грудь. Очередную выставленную напоказ грудь. Ведь некоторым из посетителей никогда не представится шанса увидеть ее где-то еще — жену иметь дорого, а посещать «сладкие» дома еще дороже. Вот и смотрят, вот и ждут, как стервятники — молодые, старые, одинокие и нет. Приходят, чтобы заплатить не за лицо или фигуру, не за стих, не за песню, не за непонятные телодвижения, напоминающие агонию сумасшедшего, танец, а только за нее — за грудь.

Из-за нее же некоторых женщин иногда выкупали. В рабыни. И это считалось самым простым и легким искуплением грехов и выходом наружу, выходом в новую жизнь — пусть с постельными обязательствами, но свободную от пещеры и от тюрьмы.

Везучие...

Нет, не везучие. Тайра никогда не считала их таковыми, и никогда не выбирала ближние квадраты. Всегда дальние, всегда в конце «шахматной» доски — те, куда монета едва ли долетит, даже если ее кинет чья-то рука. И она никогда не танцевала. Не унижалась чтением стихов, не пела, не взывала к жалости грустными историями, не молила осоловевшую от ожидания «вкусного» публику, глазами — она вообще их не открывала — глаза. И никогда не шевелилась. А потому не получала монет — только те, что случайно закатывались на ее территорию и оставались лежать там.

Но это случалось редко, и от голода все сильнее садилось зрение. Все чаще шелушились веки, все хуже заживали раны и ожоги, все меньше сил оставалось на восстановление.

Ждать, ждать, только ждать. Однажды все изменится.

Все меняется, именно так говорил старый Ким, а он никогда не ошибался.

Тайра осторожно перенесла вес с одной ноги на другую, поморщилась от боли и жжения в пятках — сегодняшнее солнце решило всласть поглумиться над теми, кто не прикрылся одеждой — и едва сдержалась, чтобы не переключить внешнее зрение на внутреннее и не попробовать отыскать в воздухе вихри энергии воды, чтобы выстроить вокруг себя щит.

Нельзя щит, нельзя. Он спасет от солнца — от небесного огня, но выдаст ее. Если руки перестанут покрываться ожогами, а кожа — краснеть, те, кто наблюдает за ней, убедятся в том, что она мистик.

Мистик.

Придется терпеть, чтобы ночью хватило сил насытить себя энергией вместо еды — в очередной раз забыть, что на свете существует вода и хлеб, лепешки и рисовый суп — трансформировать и отфильтровать подходящие слои окружающего пространства. Или попробовать мысленно найти источник...

Мистик.

«Ким, неужели мистик тот, кто кормится воздухом, а не краюшкой хлеба?» — спросила она мысленно и плотнее зажмурила веки.

«Не выдавай себя, Тайра, — покачал бы в ответ головой слепой старик, — никогда не выдавай себя...»

Щит нельзя. Создать невидимый, удерживающий силы, шар, тоже нельзя — заметят. Потому что один из тех, кто стоит наверху, всегда следит именно за ней — Тайрой.

Придется ждать ночи. Чтобы «поесть», поспать и худо-бедно залечить ожоги.

Она в очередной раз переступила с ноги на ногу, на мгновенье приоткрыла веки — яркий свет резанул глаза болью — и закрыла их.

Вздыхнула.

«Я устала, Ким. Я не смогу так долго. Мне бы уйти... Уйти»

Успеешь.

Именно это слово, как показалось ее измученному сознанию, просочилось с неба в ответ.

* * *

Они сказали: она убила его, но проблема заключалась в том, что она этого не делала. Не делала ничего из того, в чем ее обвиняли. Тайра никогда не решилась бы на подобное, и уж точно не являлась той, кто приблизил время отправления Раджа Кахума — своего хозяина — на тот свет.

Это все невезение....

«Невезения нет, — покачал бы почти лысой головой Ким, — его не существует. Это лишь последствия твоего выбора, Тайра, или же испытание...»

Но ей не везло.

С самого начала.

В возрасте пяти лет ее, как и других девочек, достигших той же возрастной отметки, забрали от родителей. Вывели из дверей родного дома — босую, плачущую и одетую в длинный белых балахон, о который запинались пятки, — и повели по засыпанному песком улицам Руура. Единственное, что она запомнила из того момента — чью-то жесткую горячую ладонь и собственный страх. А еще то, как от паники сдавило горло, и она принялась кашлять и задыхаться — ее маленькие, не успевшие вырасти ноги, бежали слишком быстро — не успевали за длинными ногами взрослых.

Потом был пансион Ахи, долгие его годы: обучение музыке, письму, счету и грамоте. Немного географии, немного астрономии, прикладные науки — женщин многому не учили.

— Вы инструмент, без мнения и права решать. Вы — женщины. Инструмент для мужчины, его способ получить наследника, его принадлежность, игрушки, если хотите...

«Почему? — Мысленно возмущалась Тайра. — Почему мы не имеем права на мнение? За что?»

Она высказала этот вопрос вслух лишь однажды, после чего впервые услышала обращенное в свою сторону слово «заткнись, колдунья» и всю ночь стояла в углу — коленями на соли. Тогда она еще не знала, что всему виной были ее желто-зеленые глаза — слишком светлые для Руура — не черные, как у всех «нормальных» людей и даже не коричневые, кофейные или, на худой конец, светло-карие. Нет, желто-зеленые. Иногда делавшиеся

полностью желтыми, иногда сползающими в зеленый, без примеси теплого, оттенков.

Позже она часто думала об их странном цвете, а так же об отце и матери. Тайра не так много помнила о них, но могла поклясться в одном — очи обоих родителей были черными.

Тогда, может, бабушка? Прабабушка?...

После семи лет Ахи, когда ученицы достигли возраста двенадцати лет, наступило время первого распределения. В огромном, пустом и неудобном зале всех выстроили в ряд и приказали тянуть граненые камни. Из большой урны ее рука вытянула серый, невзрачный и почти плоский, с гладкими краями, речной булыжник — Тайра обрадовалась. Ведь камень редкий — значит, и профессия хорошая?

Ее определили в служанки.

Невезение?

Испытание?

И до следующей критической отметки — еще одного распределения по достижению восемнадцатилетия — годы потянулись медленно и монотонно. Мойка и чистка грязной посуды, стирка чужих белых одежд в большом котле, мозоли на ладонях от кута — огромной палки для помешивания горячей ткани, — воспоминания о бесконечной смене в собственных пальцах тряпки, метлы, кусков овечьей шерсти, горчичного порошка для перил, жира для деревянного пола. Плохое питание, унылое однообразие и бесконечный, застывший в глубине и никогда не высказанный, вопрос «зачем?»

Зачем унижают женщин?

Почему так несправедливо работает система распределения?

Кто ее придумал? Неужели старейшинам выгодно такое положение? Кто на этом наживается? Зачем? Зачем-зачем-зачем? Ведь в мире есть гораздо больше, чем тряпки, грязные полы и кипяченая одежда...

Ей повезло лишь однажды. Когда в возрасте пятнадцати лет Тайра решила подыскать еще одну работу и после долгих часов брожения по жарким улицам каменного, выцветшего от жары, Руура, у окна белого приземистого дома, она увидела глиняную табличку с символами:

«Я слепой и старый. Требуется помощница, нянька и уборщица»

И она решилась. Не потому что хотела горбатиться четыре лишних часа и нюхать пропахшую мочой одежду, но потому что в этом доме никто и никогда не произнес бы в ее сторону слова «колдунья».

Без каких-либо радостных ожиданий, по макушку закутанная в тулу, Тайра поднялась на крыльцо и постучала в дверь.

— Кто там? — Раздалось почти сразу же. Слишком бодрый для такого немощного на вид старика, как она потом удивлялась, голос.

— Вам еще нужна помощница? Я могу ей быть.

Дверь отворилась; из образовавшейся щели запахло сушеными травами.

— Я умею стирать, убирать, готовить, обучена счету и грамоте, могу ходить на рынок за продуктами, делать все...

— Я давно тебя жду, заходи. — Ответили ей тихо, но доброжелательно. Непривычно ласково.

— Меня? — Тайра недоверчиво огляделась вокруг — нет, ждали не ее, должно быть, произошла ошибка.

— Тебя.

Дверь приоткрылась шире, и она впервые взглянула в незрячие глаза самого зрячего, несмотря на слепоту, в этом городе человека.

Так она встретила Кима.

* * *

Темно, тихо, прохладно. Вечерние часы она воспринимала небесным благом: медленно и верно переставала гореть обожженная кожа.

Вернувшись в клетку, Тайра первым делом забилась в угол, спряталась, сделалась неслышной, закрыла глаза и мысленно вызвала в воображении силуэты охранников, что прохаживались по коридору. У одного тело эмоций горело бордово-красным — злостью. На себя, жену, сына? Она не стала разбираться в причинах, но потихоньку вплела в красный свой собственный жгут — золотой — жгут безусловной любви. Уняла агрессию, утихомирила бурлящий гнев, вывела из эмоционального фона темно-зеленый всполох разочарования и темно-синий — сомнения. Успокоила, выровняла чужие чувства. Второму сделала мысленный надрез в районе головы — исчезли, выползли наружу и растворились черные всполохи рожденного логикой страха. Страх, самое худшее, что толкает человека к неправильному выбору — так говорил Ким.

Если не поработать с охранниками, они избыют ее или кого-то другого удовольствия ради. Нельзя допустить такого, силы уже на исходе — легче предотвратить беду, чем расхлебывать ее последствия.

После проведенных манипуляций — кажется, она успела вовремя — шорох мужских шагов стал легче, а голоса веселее. Минуту спустя охранники остановились у ее решетки — в жестяную тарелку упали монетки.

— Смотри, сутра зеленоглазая, тебе сегодня целых две! Чужие, поди, закатились, а мы проглядели?

Две. Ей было наплевать — свои, чужие — хоть ни одной. Лишь бы прошли мимо, лишь бы не выволокли наружу и не принялись бить.

— Хоть бы попела или потанцевала. Глядишь, больше бы накидали.

Плотный и невысокий Махед рассмеялся и погладил висящий на поясе кинжал, а после замер, о чем-то задумался — Тайра моментально напряглась, вызвала его образ в мыслях и проверила эмоции. Нет, все в порядке — злость вышла наружу, обычная рассеянность.

— Она никогда не танцует. Гордая. Да, сутра? Ты гордая?

Она попыталась стать невидимой — не физически, но безынттересной для мужчин — предметом, скучным куском пространства.

Сработало.

— Пойдем, Ариб. Нечего тут торчать.

Стоило охранникам миновать прутья решетки, как Тайра тяжело и судорожно выдохнула. Медленно разжала напряженные пальцы, расслабила мышцы живота и позволила голове склониться набок — коснуться лбом холодной стены.

Пусть эта ночь пройдет спокойно — это все, чего она просит, пусть пройдет спокойно, и будут силы восстановиться.

«Нельзя воздействовать на людей, Тайра. Нельзя. Мы не Боги, и не имеем права вмешиваться — ни в их мысли, ни в их чувства. Читать — редко, трогать — никогда. Это

может качнуть причинно-следственную связь, и стать твоим собственным наказанием...»

«Но как быть, Ким? — Хотелось прошептать Тайре. — Если я не вмешаюсь, их злость прольется наружу — они не могут ее контролировать. И она выльется на меня, на других...»

«Это их задача, задача каждого человека — совладать с эмоциями. Но не твоя. Твоя — совладать со своими...»

Мудрые слова, но как же тяжело им следовать.

Она не хотела вмешиваться — ни тогда, ни сейчас, — но кажется жизнь, вопреки словам учителя, не всегда оставляла выбора. Хотя Ким до самой своей смерти считал иначе.

Тайра вспомнила его морщинистое пергаментное лицо, бледную увядшую кожу, спокойное выражение — он ушел легко.

Ушел, а она осталась.

Чтобы не впасть в отчаяние, она насильно выпихнула из памяти ненужные, будоражащие чувства, воспоминания и сосредоточилась на другом — запустила регенерационные процессы кожи: нащупала в темноте камеры рассыпанные в воздухе невидимые слои свободной энергии, запустила в них пальцы и принялась наполнять мерцающим светом ладони — распределять его с кончиков пальцев по всему телу, расталкивать в каждую клеточку организма, следить за балансом набираемой извне силы.

Если получится, к утру ожоги пройдут. Только бы хватило сил унять сосущий и терзающий желудок голод. Чтобы накормить тело эфиром, потребуются часы, а она не выдержит, скорее всего, уснет.

Чтобы завтра вновь стоять на солнцепеке в «загоне»...

Чувствуя, как остывает и расслабляется покрасневшая и спекшаяся в корку кожа, Тайра вытянулась на жесткой подстилке из сена, положила одно запястье на каменный пол, а второе — на холодную стену, развела в стороны колени, уперлась пятками в решетку и закрыла глаза.

Если хватит времени, она восстановится. Если хватит...

Знать бы только, для чего все это.

Во сне Радж Кахум вновь падал с лестницы.

Вот на верхнюю ступеньку лестницы, покрытую пеной и мыльными пузырями, ступила его босая нога — качнулся подол белого шелкового халата, на перила легла рука, сторбвившуюся над тазом с теплой мутной водой Тайру обжег недовольный взгляд.

— Два часа ночи, почему ты гремишь посудой? Безмозглая дура! Мне вставать в шесть, а лечь я смог только в час — ты специально бесишь меня, сутра? Или дразнишь, может?

Дразнишь?

Вспотевшая и усталая Тайра оторвала взгляд от собственных рук, держащих комковатую тряпку, и подняла голову. Ей нужно дочистить домашнее серебро, помешать булькающую на плите похлебку, вымести крыльцо и домыть лестницу, чтобы завтра, когда ее вновь обзовут лентяйкой и бездельницей, она смогла указать на сияющий чистотой дом и отправиться на базар. А там, сославшись на затянувшийся с торговцами торг, заглянуть к Киму. Хотя бы на час, на полчаса...

Радж, казалось, не замечал ее потуг быть хорошей служанкой. Он был бесконечно зол, взбешен, что она до сих пор не сходила в придворцовый дом Причастия и не лишилась девственности, после чего он возымел бы право ее коснуться — сделать не только служанкой, но и собственной кхари^[1]. А на девственниц совет Руура налагал табу — пока

девушка собственноручно не решит стать женщиной, за одну лишь попытку взять ее, совет старейшин карал насильника смертной казнью.

Бывали уже случаи. И не один.

И Радж бесновался. Глядя на гибкую, черноволосую, с приятными глазу изгибами тела Тайру, изрыгал пламя. Желал и одновременно боялся ее — странногоглазую, красивую, похожую на заморский цветок или диковинную птицу женщину. Бил, кричал, умолял сходить в дом Причастия, обвинял в том, что она намеренно напросилась в его дом, чтобы лишить аппетита и сна (хотя сам же выбрал в служанки во время распределения), угрожал бросить в подвал голодать, хватал за волосы, снова бил, а после опять умолял.

Тайра ненавидела его. И, тем не менее, никогда не применяла собственные способности в отношении хозяина, чтобы не разочаровать непослушанием старого учителя.

А ведь можно было каждую ночь накрывать Раджа сеткой спокойного сна — окутывать его золотым одеялом, умирять беспокойный разум, вводить в глубокое забытие, чтобы не случилось того, что случилось теперь...

Во сне запечатлелся и гневный, смешанный с похотью взгляд — то, как дрогнула от клацнувших зубов длинная кудрявая борода, как сползлись у переносицы черные кустистые брови, как побелели, лежащие на перилах, костяшки пальцев.

Ей бы бежать... Пока он наверху, а она внизу — ведь доберется и точно принудит к прелюбодеянию, не посмотрит на законы, не побоится старейшин. А после скажет, что «сама»... Колдунья ведь — он много раз из мести жаловался старейшинам на то, что приютил в доме колдунью — то, мол, в еду подмешает дурманной отравы, то желудочное недомогание вызовет травяным настоем, то ночные кошмары найдет, и те не забирали Тайру на допрос лишь потому, что Радж еще надеялся на «служаночью» милость, все еще верил, что однажды она лишится девственности, войдет к нему в комнату, ляжет на кровать, оголит грудь и милостиво раскинет ноги в стороны. Слюной капал, пузырями исходил — Тайра изредка ухватывала отголоски его снов и бледнела от того, что видела в них.

— Наколочу тебя сегодня... Ой, наколочу, сутра недоделанная. И так, спать не мог, а тут ты со своими тазами...

Вот и попыталась быть хорошей — переделать дневную работу ночью.

Босая мужская нога поскользнулась на третьей сверху мыльной доске — пошла юзом пятка, грузное, укутанное в халат тело неожиданно потеряло баланс, взметнулась в воздухе рука и вторая нога, а после Радж неуклюже завалился на бок. Попытался, было, зацепиться за перила, но не успел — окончательно потерял опору и словно куль, набитый кочанами капусты, покатился по ступеням вниз, ударяясь о жесткий настил спиной, шеей, лбом, затылком, нелепо разбрасывая в стороны руки и отплевываясь собственной кровью.

Пришедшим позже лекарям он успел сказать «Колдунья. Она поставила мне растяжку... Убила меня».

И совет поверил. Ведь жалобы случались и прежде: на ее глаза, на хворь и недуги, на то, что убывает после ее поселения в доме прибыль...

Колдунья.

А ведь она ни разу не позволила себе вмешаться в его сознание. Ни разу не тронула тело эмоций, ни разу не попыталась обезопасить себя, не говоря уже о том, чтобы натянуть на ступенях невидимую нить-ловушку. По-честному, она даже не знала, как проделать такое.

Лишь догадывалась.

А теперь Тайра лежала в сырой, пахнущей плесенью земляной клетушке, смотрела в

черноту над головой и думала о том, что время здесь зашло на круг: нет ни ночи, ни дня, ни минут, ни часов, ни прошлого, ни будущего. Лишь миражи воспоминаний, боль в теле и постоянный голод.

Ее отводили к придворному колдуну и раньше — отведут еще. Попытаются доказать, что она — мистик, из кожи вон вылезут, чтобы заставить проявить способности, а после милостиво предложат пойти к Вуруну Великому на службу — за деньги, конечно. За почести, за красивую жизнь — ты только служи, девка, делай, что говорят, будь полезной, и все наладится, вот увидишь...

Она откажется, и ее снова избыют. И вновь будет «загон», голод, ожоги и тьма сырой камеры. С каждым разом сил на то, чтобы успокоить умы охранников, будет оставаться все меньше, а избивать ее будут все изощреннее. Палящее солнце днем, запах плесени и саднящая кожа ночью, а между всем этим черные цепкие глаза колдуна Брамхи-Джавы.

— Давай, скажи мне, что видишь за занавеской. Ведь ты же видишь без глаз... Ты умеешь...

Тайра сомкнула веки, поправила под головой набитую соломой грязную холщевую подушку и вздохнула.

Ей бы воды... Настоящей, холодной, вкусной воды, которая скользнет в горло, промочит его и желудок, а после поможет восстановиться телу. Воды и немного еды. Но еду и питье может принести только Сари.

Испытывая муки совести, Тайра мысленно представила пухлое лицо подруги, а рядом с ее головой светящуюся звездочку-мысль: «Нужно сходить к Тайре. Принести гостинцев и воды. Много воды. Нужно сходить. Срочно...» Напитала звездочку силой, опутала чувством нетерпеливости и важности, добавила ощущение покалывания, чтобы, как только мысль укоренится в мозгу, все естество Сари принялось зудеть и чесаться от нужды «сходить-сходить-сходить» и медленно слила светящийся сгусток-послание с чужой головой.

Долго смотрела, как свет распределяется по паутинкам-каналам, как плотно заседает и сливается с другими мыслями новая мысль, как она впитывается в подкорку разума, чтобы с пробуждением начать работать.

«Прости Ким. Нельзя, ты говорил, но у меня осталось не так много времени... Мне нужна вода».

* * *

(Sine — Time...)

На многочисленных базарах Руура продавали множество вещей: еду, одежду, украшения, плетеные корзины, специи, обувь, ткани, даже домашний скот, но очень редко — растения. Крохотные зеленые ростки лимонника или декоративного вьюна стоили больше, чем молодой, здоровый и лохматый спиногорб, и все потому, что почва города и его окрестностей, состоящая преимущественно из песка или глины, не позволяла побегам всходить. Не хватало воды, минералов, полезных солей, удобрений — под жарким солнцем все засыхало и плавилось за считанные часы.

Иногда, когда выдавалось время и когда Тайра все же отваживалась проделать долгий путь до восточной окраины, она часами бродила по узким рядам из крытых палаток, куда

странствующие в далекий Оасус торговцы доставляли диковинные цветы (всегда вместе с землей — черной и влажной) — и представляла, как выбирает себе небольшой горшочек с Ирганией или Огненным Дерой. В свой собственный, принадлежащий ей одной дом.

Дикие мечты — необузданные и бессмысленные. Женщины не живут одни — только с мужчинами — в качестве жен или служанок. Но когда ты служанка, дом тебе не принадлежит, а когда жена...

Тайра не хотела быть ничьей женой. В чем смысл? Точно так же подчиняться: стирать, убирать, готовить и постоянно ублажать нелюбимого (как у многих) мужа? Зачем рожать детей, если подросший мальчик, стоит ему начать ходить, начнет чтить тебя за прислугу и смотреть свысока, а девочку позволят дорастить до пяти лет, а после заберут?

Зачем?

Опять это извечное «зачем».

Но она продолжала мечтать. О доме, о цветах и о свободе.

Даже теперь, когда стояла в «загоне».

Вновь пылающий асфальт под ногами, вновь горит не успевшая восстановиться за ночь кожа, вновь пробиваются красным сквозь веки лучи беспощадного солнца. Пекло, охранники, неподвижность, долетающая спереди возня, стоны, ругательства, крики.

Сегодня посмотреть на заключенных собралось раза в два больше народу — выходной. Обмотанные в лохмотья женщины старались не упустить возможность подзаработать: вертелись, крутились, мыслимыми и немыслимыми способами привлекали к себе внимание, за что иногда получали по голове, плечу или ступне камнем. Или монетой...

Тайра стояла в самом дальнем квадрате, покачиваясь. Мысли в ее голове плавали, подобно отраженному от земли мареву — придет ли Сари? Всколыхнется ли мысль о визите? Подтолкнет ли что-то собраться в дальнюю дорогу? «Сладкий дом Вахши» в отличие от остального Руура сегодня не отдыхал — наоборот принимал визитеров толпами — выкроит ли подруга время?

Чтобы абстрагироваться от раздражения по поводу вяло текущего времени, Тайра принялась воображать, что стоит на мягком травяном ковре, в котором, успокоенные прохладой и влагой, утопают благодарные ступни...

Старый Ким говорил, что есть такие места — места, где трава растет подобно коврику. Высокая или низкая, с соцветиями на кончиках стеблей или же просто стрелками — сочная, густая, прохладная. По утрам, из-за падающей с неба влаги, она начинает блестеть и переливаться — мерцает тысячей крохотных бриллиантовых бусинок — росой. Интересно, каково это — пройти по такой? Повести по ней ногой, зарыться пальчиками, продавить подошвой упругую, а не ссохшуюся почву, вдохнуть ее аромат. Растения пахнут — все пахнут, значит, и трава тоже...

Наверное, только богач может позволить себе завести в каменный сад плодородную почву и накрыть ее песчаный настил. А после посадить траву, чтобы лежать на ней, раскинув руки в стороны, в любое время. Но Ким говорил, что в тех краях — краях, поросших травой, земля бесплатна. Ничья. Что там можно лежать в любое время, хоть всю ночь, только бы не замерзнуть.

Тайра ему не верила. Или верила, как верят в ангелов, которых никто и никогда не видел — здорово, если они есть, а на «нет» и суда нет.

Вот Кимайран^[2] не сомневался в существовании ангелов, как не сомневался и в наличие в мире травяных ковров, а Тайра сомневалась. Ненавидела себя за слабость и неверие, но

продолжала сомневаться, хотя давно убедилась в том, что если чьим-то словам и можно верить, так это словам старого учителя...

Спереди раздался незнакомый звук. Тайра открыла глаза в тот момент, когда мимо нее, обдав тело волной жаркого воздуха, пробежали оба охранника.

Упала рыжая Вариха. На землю. Видимо, уже насовсем.

— Мир твоей душе и покой твоему телу... — сами собой прошептали потрескавшиеся губы. Чтобы не видеть, как по земле тащат безжизненное тело, Тайра закрыла глаза.

Нужно отвлечься, снова уйти в воспоминания. В хорошие, добрые, любимые — только бы не видеть того, что творится вокруг, только бы не чувствовать тлетворного дыхания кружащей поблизости смерти.

Воспоминания. Погрузиться. Быстро...

На ум пришли собственные руки, лежащие на широком белом подоконнике и чисто вымытое окно.

* * *

— Что ты видишь, Тайра?

Она, напрягая зрение, всматривалась в утопающую в раскаленной жаре улицу.

— Дом напротив. Дорогу — песок, камешки, зеленый потрескавшийся горшок у крыльца лавочника. Двух мужчин, женщину...

— Что ты можешь сказать о женщине?

Лысый сморщенный старик, поглаживая жидкую седую бороду, сидел в покрытом протертым покрывалом кресле и смотрел слепыми глазами в никуда. То было его любимое кресло, а на лице застыло требовательное и одновременно загадочное выражение.

Тайра бросила на него удивленный взгляд и тут же вновь повернулась к окну, чтобы успеть рассмотреть незнакомку.

— Невысокая, не толстая — тулу обвивается свободно. В руках корзина с фруктами, на ногах плетеные сандалии.

— Еще.

— Она застыла у дверей лавочника, задумалась о чем-то. Вижу черную прядь волос.

— Еще.

Что еще?

— Молодая, судя по запястьям. На пальце кольцо — наверное, чья-то жена. Или хорошо устроившаяся кхари...

— Это все?

— Все? Да, все. А что еще?

Наверное, незрячему старику нет лучшего развлечения, нежели сидеть в кресле и слушать о том, во что одеты проходящие мимо его дома люди. Один все-таки. Она предлагала ему почитать, но Ким в ответ на подобное предложение каждый раз качал головой.

— Смотри внимательнее, Тайра.

Та вновь напрягла зрение и почувствовала укол раздражения — на что смотреть? Она описала все, что видела. Детально, подробно, даже красочно. Может, ему хочется узнать, красива ли девушка, но Тайре не видно лица — его скрывает платок.

— Что ты можешь добавить?

— Я... Ничего, Ким. Ничего.

Он сам просил называть его так и настоял на обращении на «ты». Поступился законами и условностями, отмел их, что называется, с порога.

— Вот именно, Тайра. Ты не видишь ничего. А все потому, что ты смотришь человеческими глазами и слушаешь человеческими ушами. А когда ты так делаешь, ты не увидишь большего, нежели то, что показывают тебе человеческие глаза и человеческие уши, а это, по большей части, скучная и бесполезная информация.

Несмотря на свои недолгие и достаточно убогие в плане опыта пятнадцать лет, Тайра была вынуждена согласиться.

— Да, бесполезная. Но чем тогда смотреть? Все смотрят глазами.

— Вот именно! И все видят то самое «ничего».

— Не понимаю, Ким... Чем же тогда я должна смотреть?

— Ты должна смотреть ощущениями.

Тайра втянула пропахший сухой лавандой воздух и медленно, чтобы не выдать раздражения, выдохнула его.

— Как можно смотреть ощущениями? — Она не понимала, о чем он говорит. Хотела, но не могла понять. — И что тогда можно увидеть?

— Что? — Старик в кресле улыбнулся. — Многое. Например, то, что эта женщина полна сомнений. Ей всего двадцать восемь лет, но большую их часть она прожила в страхе. Она не хочет идти домой, потому что там ее ждет...

Речь на мгновенье умолкла, будто Ким всматривался во что-то видимое ему одному, затем послышалась вновь:

— ... ее ждет муж, который постоянно обвиняет Лейру в изменах.

— Лейру?

— Ее так зовут.

— Как?.. Откуда?..

— Она купила апельсины и несколько груш, верно? У нее остались деньги... В целом у нее небольшое скопленное состояние, состоящее из... хотя это не так важно — пусть копит дальше. После похода на базар у нее осталось с собой несколько медяков, на которые она раздумывает купить мясной пирог — считает, что это сможет утихомирить ярость мужа...

— Как ты узнал все это, Ким?

Тайра слушала, затаив дыхание, но старик и не думал ничего пояснять.

— Но скандал все же состоится. Сегодня вечером ее побьют, а завтра она примет важное решение — уйдет из дома. Ох, — он вдруг притих и разочарованно покачал головой. — Но ей бы лучше не уходить. Лейра доживет до тридцати одного года в том случае, если не решит принять еще несколько важных решений, но ее текущих сил на это не хватит. Значит, ей либо поможет что-то со стороны, либо тридцать первый год станет последним годом ее жизни.

Лейра. Двадцать восемь лет. Через три года смерть.

Пятнадцатилетняя Тайра стояла у окна оглушенная.

Кажется, она только что сделала важное открытие: мир шире, глубже и необъятнее, чем ей до этого момента казалось. Мир просто поразителен, если можно видеть такие вещи, если можно уметь так много. Но как? Как?

К креслу она поворачивалась, ни жива и ни мертва от волнения.

— Скажи, Ким, как ты это делаешь?

— Я смотрю на людей не глазами. Я смотрю на них ощущениями.

— А этому можно научить? Или же это дар — либо родился с ним, либо нет?

Слепые выцветшие глаза казались безмятежными: они смотрели туда, где, как выяснилось, хранились залежи недоступной другим информации.

— Дар есть у всех, Тайра. С ним рождается каждый. Но скажи, что будет с посаженными в почву семенами, если их не поливать? Пусть даже там тысяча семян?

— Они все засохнут.

— Верно. То же самое происходит с даром. Он есть у всех, да, оговорюсь: у каждого свой. Но он бесполезен, если его не развивать.

— А как развивать дар?

Тайра чувствовала — теперь она не покинет этот дом — не по своей воле. Лишь бы позволили остаться и слушать, впитывать и запоминать. Лишь бы позволили учиться.

— На это требуется время и желание. И еще много усилий.

Она готова приложить все мыслимые и немыслимые усилия. Готова уже сейчас.

— Я...

— Я знаю, Тайра. Ты хочешь о чем-то спросить.

— Я... — От волнения она никак не могла правильно составить фразу. — Я... ты... ты научишь меня? Поможешь научиться? Я все буду делать сама, ты только объясни.

Может ли выйти так, что подобный дар есть и у нее? Бог свидетель — Тайре бы этого хотелось.

Ким улыбался чему-то своему. Он вообще часто находился «не здесь», так ей казалось.

— Я учу тебя уже три месяца. С тех пор, как ты пришла. Неужели ты еще этого не заметила?

Да, конечно, она приходила сюда убирать, но часто ловила себя на том, что вместо того, чтобы смахивать с книг пыль, зачитывается их названиями, а вместо того, чтобы протирать медную посуду, принюхивается к холщевым мешочкам и пытается разобрать их содержимое. И за эти три месяца ее ни разу не назвали ни колдуньей, ни лентяйкой.

Волнуясь сильнее прежнего, она отошла от окна и осторожно опустилась на ковер у ног старика — хотела, но не осмелилась взять его за руку.

— Спасибо.

— Это не мне спасибо. Ничто в жизни не случайно.

Они помолчали. Этот приземистый дом, пахнувший сухой бумагой, известковой пылью и развешенным вдоль стен гербарием вдруг стал «ее» домом. Так же легко и беспрепятственно, как скатывается в горло сладкая карамель, запитая персиковым соком.

— А можно я буду называть тебя Учителем?

— Нет, нельзя.

Она напряглась, но лишь до того момента, пока не услышала объяснение.

— Если кто-то заподозрит меня в твоём обучении, преследовать будут нас обоих. Ты это понимаешь? О даре никогда нельзя говорить. Ни с кем.

— Но ведь ты сказал, что он есть у каждого? Тогда почему нет?

— Лишь единицы хотят приложить усилия, чтобы его развить. И сотни тысяч хотят использовать того, кто его уже развил. Это ясно?

— Да. Ясно.

— Поэтому для тебя я просто Ким.

— Хорошо. — Тайра кивнула и вновь едва удержалась от того, чтобы не накрыть сухую морщинистую ладонь своей. — Ты просто Ким.

Пусть будет так.

Он никогда не спотыкался в собственном доме. Не запинался о предметы, знал, где повернуть в соседнюю комнату, с точностью до миллиметра чувствовал, что чашка с мятным настоем стоит между тарелкой и подсвечником и ни разу не промахивался мимо загнутой ручки, как ни разу не ошибся в выборе книги, которую, будучи слепым (слепым!), собирался полистать.

Глядя на Кима, Тайра все чаще задавалась вопросом, для чего вообще людям глаза. Чтобы оценивать внешность друг друга? Чтобы ошибочно полагать, что этот орган чувств единственный, на который стоит полагаться при выборе чего бы то ни было: продуктов, одежды, дороги и ее направления? Чтобы не наткнуться на стены? Чтобы не утруждать себя развитием внутреннего чутья?

Последнее предположение пугало ее.

Глазами легко оценить внешнее поведение собеседника — его жесты, выражение лица, глаз, заметить чистоту одежды, ногтей, увидеть хмурятся ли брови, улыбаются ли губы, и по этим признакам корректировать собственные реакции. Вот только как быть с тем, что внешние факторы часто лживы? Она заметила: не каждый улыбающийся счастлив и не каждый плачущий несчастен. Клубок из эмоций невидим — он спрятан куда глубже и покоится на уровне, недоступном для восприятия человеческими глазами. И это значит, что зрение придется временно «отключить» — нейтрализовать, как мешающий видеть *настоящему* сегмент.

Боги. Это страшно. Страшно менять собственные устои и убеждения, страшно верить в то, что то, во что ты верил, ошибочно.

— Как это делать, Ким? Как смотреть «ощущениями»?

Он никогда не путал книги, даже если она намеренно меняла их местами. Не столько тестировала старика, сколько восхищалась его умением чувствовать название книги пальцами.

— Смотри на людей мысленно, — каждый раз отвечал он, неторопливо водя сухими подушечками по шершавым страницам, — и пытайся увидеть не обличье, а слои. Попытайся почувствовать не внешность, а энергию. Если настроишься на астральный слой — увидишь эмоции. Если на физический план — увидишь органы и их болезни.

— Внутренние органы?

— Да, органы.

— И болезни?!

— Именно.

— Но ведь это страшно.

— Страшно не это. — Незрячие глаза смотрели в направлении начертанных на бумаге символов. — Страшно обладать зрением и быть слепым. Понимаешь, Тайра?

— Понимаю. И я стараюсь.

— Вот и старайся.

— Но у меня не получается!

— Однажды получится. Будь терпелива.

И она смотрела.

Смотрела на всех, кого близко или далеко видели глаза. Людей на рынке, прохожих на

улице, Раджа, когда тот кружил рядом, пытаясь отыскать причину для очередного упрека, продавцов в лавках, убогих на ступенях храма, старика Кима и чаще всего на саму себя.

Но ничего не видела. Разум представлял лишь ту картинку, что передавали ему глаза — не более.

— Расслабь сознание, — учил Ким, — дай ему сдвинуться. Перестань его насиловать — позволь способности открыться самой, и не исследуй саму себя — это тяжелее всего.

— Я вижу людей. Таких, какие они есть в жизни. Одетых, раздетых, грустных или веселых, но просто людей. Я могу представить их смеющимися или плачущими, но не могу их, как ты говоришь, *увидеть*.

— Ты хотела учиться, Тайра? Тогда старайся и терпи. Но, самое главное, оставайся расслабленной — старайся постичь с интересом, но без *нужды* постичь.

Оставайся расслабленной? Не испытать острую нужду в знании тогда, когда сумел ощутить, как многогранен и интересен мир?

Иногда ей казалось, что учитель, который не позволял именовать себя учителем, издевался над ней, нерадивой ученицей, не иначе.

Это вышло случайно, когда по истечении третьей недели упорных попыток увидеть «что бы то ни было», Тайра, наконец, сдалась — решила позволить находящимся на грани кипения мозгам отдохнуть. И все потому, что ночами стало происходить нечто странное: ее тело мучилось от невозможности уснуть, подергивалось изнутри, чесалось, взрывалось непонятными эмоциями, «корезилось», изматывало одним своим наличием. Все это приводило к страшной усталости ночью и невозможности сосредоточиться на чем бы то ни было днем.

Кимайран в ответ на жалобы лишь посмеивался. Улыбался широко и беззаботно, как улыбаются малые дети, еще не осознавшие, что мир не состоит из одних сладостей, конфет и ласковых прикосновений материнских рук.

— Своими изысканиями ты тормозишь пространство, Тайра — ты посылаешь в него запрос, и оно отвечает тебе. Отвечает большим объемом данных, которые ты попросту не можешь принять сразу. Отсюда зуд и невозможность спать. Это проходит с каждым, кто пытается объять необъятное.

Объяснения учителя удовлетворили Тайру, но ее бледный и заспанный вид перестал удовлетворять Раджа, который тем же вечером нашел-таки повод закатить звонкую оплеуху служанке за недоваренную и пересоленную рисовую кашу.

— Отравить меня хочешь, сутра? Ядом кормишь? Такое и скот бы жрать не стал, а ты передо мной на стол ставишь!

Прогнанная с кухни, Тайра отправилась в собственную спальню с намерением как следует выспаться. Она вернется к попыткам «прозреть» завтра, а сегодня немного отдохнет — успокоится, размякнет, ненадолго отпустит жгущее ладони желание увидеть невидимое.

Может, Ким что-то упустил? Недосказал, забыл или намеренно недоговорил, чтобы дать возможность развиваться самой?

Не важно. Теперь важна лишь комнатуха под лестницей, узкая кровать, распластавшееся на ней тело и несколько часов непрерывного сна.

Горела после оплеухи щека; несмотря на усталость, сон не шел.

Погруженные во мрак улицы Руура за окном казались серовато-коричневыми.

Остывающие камни зданий, все еще теплый песок у стен — он не становился холодным даже ночью; голоса и звуки стихли.

Вдыхая душный и спертый воздух комнатухи, Тайра мечтала о таком редком для этих мест дожде. Архан^[3] — жаркая планета с ограниченным количеством влаги, которая так редко формируется в осадки. Почему Тайра родилась именно здесь? Почему не на одной из тех далеких звезд, что сияют в небе. Ведь каждая звезда — это мир? Только другой — наверное, более зеленый. С травой.

Душу царапала грусть — хотелось верить во что-то прекрасное, хотелось проблеска надежды, чудес.

Все придет, придет, надо только подождать.

Где-то наверху спал Радж. Сопел, наверное, развалившись на шелках, и видел десятый сон. Тайра переключила внимание в чужую спальню — представила уставленные бронзовыми и серебряными поделками тумбы, широкую кровать и лежащее на ней грузное мужское тело. Тело ее хозяина, мучителя и ненавистного ей человека — в этот момент оно показалось ей прозрачным.

Прозрачным? Нет, не совсем. Скорее, сгустком из переплетенных линий — преимущественно темных: бордовых, синеватых, серых и грязно-зеленых.

Хм, как странно.

Уставшая, но не потерявшая искру любопытства Тайра, практически не заметила, что видит нечто иное — отличающееся от обычного. Возможно, виной тому были многочисленные, совершенные ранее, потуги представить, как могли бы в обход глаз выглядеть человеческие эмоции, которые попеременно превращали видимые ей людские тела то в светящиеся шары, то в бесформенную массу, а то и вовсе в черные дыры, однако ни одна иллюзия не выглядела столь стабильной и плотной, как та, которую она видела сейчас.

Иллюзия или нет, а Тайра, увлеченная новым видом Раджа, принялась аккуратно наблюдать за цветными, спутанными друг с другом, нитями.

Почему зеленого больше? Что это означает? И откуда примесь синего? Для чего?

В какой-то момент, сама не зная того, откуда пришел ответ, Тайра вдруг поняла, что темно-синий — это спрессовавшийся страх некой потери — именно таким оттенком он всегда отмечен. А зеленый? Подобный градиент зеленого присущ неуверенным людям, сомневающимся в принятых ими ранее решениях.

А серый...

— Я вижу... — Прошептала она пустой комнате и самой себе. — Я вижу и понимаю, что они означают!

С резко вхлынувшим в кровь возбуждением и гулко стучащим сердцем, Тайра приказала себе спать, чтобы с утра, (когда столь далекое утро, наконец, настанет) она побежала к Киму и обо всем ему рассказала.

То ли от резко подсевшей «батарей», то ли от того, что приказ получился убедительным, она закрыла глаза, досчитала до десяти и, как ни странно, почти сразу же уснула.

Кимайран морщился от звуков громкой речи, но продолжал улыбаться.

— Учитель!..

— Не называй меня так.

— ...синий — это ведь неуверенность? Да?

— У синего много оттенков. Но может быть и то, о чем ты говоришь.

— А зеленый, — продолжала Тайра с запалом, которого хватило бы на то, чтобы вскипятить остывший на плите чайник. В этот момент она едва ли слышала старика — была настолько возбуждена совершенным открытием — зеленый — это когда человек ошибся в выборе и жалеет. Да? Я просто почувствовала это — сама не знаю как. Только с серым у меня вышла загвоздка...

Она растеряно взглянула в морщинистое лицо.

— Серый как будто ничего не означает. Почему?

Ким подался вперед, положил одну ладонь на другую и погладил сухую кожу.

— Потому что серый — это отсутствие цвета. Отсутствие эмоций. Пустота.

— А-а-а-а! Вот оно что! Ну, конечно... Но, учитель...

— Не зови меня учителем.

Темноволосая девчонка, чьи глаза в этот момент сделались совершенно зелеными, хлопнула темными ресницами и на мгновение притихла — будто опомнилась и начала слышать только сейчас.

— Конечно. Прости, Ким. Я лишь хотела сказать, что видела еще бордовый...

— И?

— И он показался мне чувством вины. Но откуда у Раджа может быть чувство вины? И разве оно сохраняется даже во сне? И почему у него в теле совсем нет золотого? Или какого-нибудь другого яркого цвета?

— Потому что яркие цвета — это агрессивные эмоции. Радостные или нет, но всегда очень сильные — во сне их не бывает. Во сне основные чувства уходят в другое измерение.

— В какое?

Она бы, наверное, продолжала сыпать вопросами до бесконечности, но старик, шурша тканью излюбленного рыжеватого-коричневого халата, поднялся с кресла и осторожно, чуть прихрамывая, подошел к стоящему в углу шкафу. Отыскал латунную ручку, выдвинул разохшийся от жары и времени ящик и достал из него чистый лист бумаги — бесценный и дорогой материал. Затем еще два. Повернулся к Тайре, держа в одной руке листы, а в другой — заточенный уголек и приказал:

— Листы скрепи вместе, чтобы их можно было переворачивать, а угольком начинай записывать все, что видишь. Пиши мелко, но разборчиво — экономь место. Потом будешь мне читать.

— Писать все?

— Все, что видишь. Начинай классифицировать цвета. После я буду слушать и поправлять. Когда все допишешь, поймешь и выучишь наизусть, листы мы сожжем...

— Но...

— Их нельзя оставлять на прочтение другим. То, что отложится у тебя в голове и будет тем, что станет впоследствии твоим инструментом. Другие же, прочитав это, не смогут воспользоваться информацией, но будут знать, что ты ей владеешь. Поэтому сожжем.

— Хорошо, учи... — Тайра быстро осеклась и покраснела. — Хорошо, Ким. Все сожжем.

И она приняла из рук старика три листа бумаги и черный пачкающий пальцы уголек.

Сколько, начиная с тех далеких времен, она исписала листов? Десятки? Сотни?

Старик, несмотря на баснословную стоимость, никогда не жалел бумаги.

Сначала она описывала эмоции: взаимосвязь цветов, яркости, структуры линий астрального тела, их изменение в зависимости от обстоятельств. Затем перешла к изучению ауры — защитного поля человека, способного поведать многое, если правильно смотреть. Затем принялась изучать структуры физического тела — с ними почему-то было сложнее всего. Поначалу Тайре не хотелось даже представлять внутренние органы, но со временем она стала относиться к этому спокойно, научилась отличать больной их вид от здорового, устанавливать причины повреждений и даже предлагать собственные методы лечения.

Конечно, все это случилось много позже, и на момент выведения первой схемы целения ей было уже не пятнадцать, а двадцать один.

Купол богатства, наличие хворей, причинно-следственные связи, определяющие события — она научилась видеть многое, а Ким, казалось, совсем не старел.

Иногда, когда Радж задерживался в магазине для того, чтобы угостить чаркой-другой друга Мохамма, и ей удавалось ускользнуть из притихшего дома вечером, они с Кимом сидели перед выдолбленным в стене главной комнаты углублением и неторопливо жгли пучки сухой поющей травы.

Золотые времена — теплые и далекие.

Где Ким доставал диковинную траву? Наверное, она стоила куда дороже бумаги, но в чулане старика всегда водилась в изобилии. Стоило положить бежевые стебельки в огонь, как они начинали «говорить»: похрустывать, словно волшебные звездочки, переливаться трелями, звенеть колокольчиками, а иногда петь тихими и зовущими голосами. Чаще всего женскими. В такие моменты Тайре казалась, что она с закрытыми глазами сидит у ведущего в волшебную страну окна, откуда долетают отзвуки иной жизни: кипят страсти, поет любовь, плещется отвага, звенит чужая магия и пахнет спрятавшимися в ночных облаках чудесами.

И пока Тайра слушала истории поющей травы, Ким говорил о том, что когда-нибудь она — Тайра — займет его место хранителя знаний. Унаследует книги, найдет для них новую лучшую обитель, пополнит библиотеку своими записями и однажды найдет того, кому все это бесценное сокровище передать.

— Ким, это все так далеко. Зачем ты говоришь об этом?

— Ничего не бывает близко или далеко, Тайра. Оно просто есть.

— Но ты еще не так стар, а у меня даже нет своего дома. Никто не позволит мне забрать у тебя книги и хранить их. Никто, мне кажется, вообще не оставит меня в покое — все всегда постоянно будут чего-то хотеть. Моих умений, моего труда, моего тела...

Ей было грустно говорить об этом и еще горше мечтать — как отколоться от общества и занять свой собственный угол? Как вообще перебраться к Киму на постоянное место жительства и забыть о том, что вокруг бормочет звуками разноголосый Руур?

— Все придет, Тайра. Придет. Нелегко и не сразу, но все сложится. Ты только книги не оставляй чужим людям.

Тогда она молчала в ответ. Потому что верила, что впереди еще много таких вечеров, и что Ким позаботится о книгах, ведь она только сейчас начала узнавать по-настоящему важные вещи, только сейчас начала учиться. И еще молчала, потому что верила в то, что старый учитель будет жить вечно.

Тот день, расколовший ее жизнь надвое, принес сразу две смерти — Раджа и... Кима. Почему? Это навсегда осталось загадкой.

Даже теперь, стоя под беспощадным солнцем, три недели спустя, Тайра не хотела об этом вспоминать, но обезумевшая от горечи память — память, что жалела саму себя, — принялась вытаскивать на свет, отдающие привкусом отчаяния и безнадеги, детали.

Радж умер ночью. Прибывшие в дом лекари поначалу пытались бороться за его жизнь, позже констатировали смерть, а после увезли бездыханное тело на запряженной лошадью телеге.

Оцепеневшую в ужасе и растерянности Тайру оставили одну.

До самого утра та, то проваливаясь в кошмарные сны, то выныривая из них, боролась с ощущением присутствия в доме кого-то темного — иной пугающей силы, что появилась в опустевших стенах одновременно со смертью хозяина. А утром, стоило первым лучам солнца осветить улицу, запинаясь за складки мятого тулу, она со всех ног бросилась прочь — к единственному дому, который мог согреть и к единственному человеку, который мог что-то объяснить.

В то утро, как ни в какое другое, ей требовалась помощь, подсказка, совет. Что делать? Как жить дальше?

Но вместо ответов у дверей лачуги старого учителя ее ждали новые вопросы в виде стражей Правителя.

— Кто такая? Внутрь нельзя!

Перед лицом пытающейся прорваться в дом Кима Тайры, скрестились лезвия ножей.

— Я работаю здесь служанкой. Пустите. Мой хозяин слеп, ему может понадобится помощь!

— Твоему хозяину уже не понадобится помощь...

Не обращая внимания на странные слова, Тайра на свой страх и риск поднырнула под острые лезвия и бросилась внутрь.

Как это — не понадобится ее помощь? Конечно, понадобится. Ведь Ким совсем один.

Зачем здесь стражи?

Она нашла его лежащим в старом кресле. Спокойного, умиротворенного, даже расслабленного. Только... пустого. Не звящего светом человека с переплетением из различных энергетических структур, а физическую оболочку. Которую покинула душа.

Нет... Нет. Нет!

— Ким!

Если бы не прозвучавший в комнате незнакомый голос, она кинулась бы к учителю, чтобы обнять, чтобы попрощаться, чтобы прижать к себе сухую руку, чтобы...

— Так-так-так. А вот и ты! Как хорошо, что не придется за тобой посылать. Одна служанка, и оба хозяина мертвы. Как занимательно... Стража!

На выкрик высокого усатого мужчины, одетого в белую с золотым туру и свободные с вышивкой штаны, прибежали солдаты.

— Что... Что с ним случилось? Почему? Как... Как же так?

Она лопотала без остановки, не замечая того, что за спиной скручивают руки.

— Он не мог умереть, не мог... Он ведь был еще не стар. Ким! Ки-и-и-иммм!!!

Тонкий голос сорвался на визг и оборвался хрипом.

Усатый поморщился, и прищурил сверкающие ненавистью черные глаза.

— Вот ты нам и расскажешь, сутра, почему он умер. Точнее, почему умерли оба.

— Это не я! — Прошептала Тайра и почувствовала, что сейчас сломается — треснет изнутри, расколется и зашипит, пролившейся на раскаленную землю, влагой. — Я не... Что... Почему он умер? Почему?!

Ее лишь жестче подхватили под руки. Черноусый не ответил — вместо этого коротко скомандовал:

— Уведите эту колдунью с глаз долой.

Тогда она впервые за долгое время услышала это слово вновь.

* * *

(Oystein Sevag — Seen From Above)

Странно, но возвращаясь в те дни, Тайре даже теперь малодушно казалось, что было бы лучше, если бы Радж выжил. Ведь тогда осталось бы хоть что-то знакомое: кровать под лестницей, метлы в углу, серебро, которое нужно чистить и отражающиеся от стен зычные окрики. Пусть даже злые, но все же знакомые.

А так потерялось сразу все — качнулся под ногами мост, проломилась под ногами прогнившие доски, и перила, щепки, веревки — все полетело вниз, в бурное и мутное, состоящее из грязи, течение.

Нет, в камеру ее бросили не сразу — первые пять часов ее допрашивал тот, кого она никогда прежде не видела и о ком в Рууре слагали пугающие мрачностью легенды — колдун Алу Брамхи-Джава.

Помнится, несколько лет назад она спросила о нем Кима — правда ли, мол, что колдун? И почему не мистик?

Тогда еще живой Кимайран покачал головой.

— Мистик — это тот, кто знает о даре, уважает его, умеет им пользоваться, хранит для себя и никогда не использует во вред. Колдуном же зовется тот, кто извлекает из полученных умений личную выгоду, направляет, наплевав на запрет Старших, против других, использует в злых целях. Такой человек чернит собственную душу, Тайра, порочит ее, и, значит, никогда не переродится в лучших условиях, а уйдет в нижний мир, чтобы раствориться в нем насовсем.

— Но зачем он это делает? Если знает, что так будет?

— Люди знают о многом, но не во многое верят — в этом проблема. Брамхи-Джава полагает, что сможет избежать суда Бога, но он ошибается. Он черен изнутри. Избегай встреч с ним, Тайра.

И она избегала бы.

Если бы могла.

За те пять часов, что она провела с ним наедине в темном и прохладном зале — зале допросов, расположенном в прилегающей к тюрьме постройке, — она поняла следующее: Радж Кахум был скотиной, но ему было далеко до Брамхи-Джавы — высокого, плотного, черноглазого и крайне неприятного на вид человека.

Черная с зеленым мантия, горбатый нос, пренебрежительно отвислая нижняя губа и

вделанный в юру^[4] сверкающий красный камень делали его похожим на актера — пародию на самого себя, великого колдуна.

Да, на актера, если бы не клубящийся внутри физического тела сгусток из темных линий — зловещий клубок невероятной силы. Что это — душа? Или то, что от нее осталось? Черная, проданная неизвестно кому, изъеденная болезненным грибокком...

Единственный взгляд внутрь подсказал Тайре, что дар у стоящего перед ней человека есть, и это плохой дар, а, значит, нужно быть настороже.

И еще перед тем, как он произнес первое слово, она окружила себя похожим на зеркало щитом — через такой не увидать, как ни смотри.

И началось.

Брамхи-Джава умел говорить. Он делал это так ладно, что в какие-то моменты ей начинало казаться, что он прав, что стоит признаться во всем, даже в том, чего она никогда не делала, но Тайра держалась.

Колдун был терпелив. Сначала он вопрошал о том, действительно ли Тайра поставила в доме Кахума растяжку? Нет? А, может, да? Это ведь прекрасно, если у нее есть такая способность, это ведь талант, а таланты правитель ценит и одаривает золотом. Затем упомянул о том, что Радж Кахум часто повторял слово «колдунья» — ведь не зря?

— Какие методы ты использовала? Изменяла свойства еды? Пыталась его приворожить? Вызывала в теле болезни? Воздействовала мысленно?

Он не упрекал — он будто бы даже восхищался мнимыми злодеяниями, пел им оду — пытался взять пленницу через гордыню, но Тайра не поддавалась, и, чтобы ни говорил Брамхи-Джава, хранила молчание. Слушала звук его шагов по мраморному полу, чувствовала, как мерзли, еще не израненные и не обожженные на тот момент, босые ступни, старалась не смотреть в отталкивающие черные глаза.

— Давай, девочка, расскажи мне все. Ты ведь знаешь, что в твоём теле заключены неподвластные многим способности, знаешь, как ими пользоваться — похвались ими!

Тишина. Тонкие, рассекающие полумрак зала, солнечные лучи, пробивающиеся через вертикальное зарешеченное окно. Ее тихое дыхание.

— А ты видишь будущее? Умеешь предсказывать то, что еще не произошло?

Ничего не предначертано, — хотелось ответить ей, — все может измениться. Как можно предсказать то, что может измениться?

Да, но оно может измениться только у тех, кто умеет менять, а большинство лишь плывет по течению, — ответил бы ей колдун, и тем самым добился бы поставленной цели — втянул бы Тайру в диалог.

Нет. Молчать. Чтобы он ни сказал.

— Зачем ты навлекаешь на себя беды, когда можешь получить прекрасную жизнь? Вурун Великий не будет требовать невозможного — он попросит лишь о малой части твоего таланта и позволит тебе быть свободной большую часть времени. Разве ты не хочешь быть свободной? Жить в собственном доме — богатой, красивой, независимой женщиной?

Человек с вделанным в юру камнем надавил на больное.

Хотела ли этого Тайра? Безусловно. Но сильнее чего-либо, она не хотела нарушать данное некогда самой себе обещание.

«— Не продавай душу за блага. — Просил ее Ким. — Не используй дар против воли Старших. Не иди туда, куда твоя интуиция говорит тебе не идти, Тайра. Любой грех — гордыня, жадность, жажда власти, алчность — это те пятна, что никогда не отмыть, и

однажды данный тебе дар может быть утерян навсегда. Ты понимаешь это, Тайра?»

Она понимала. И потому пообещала себе никогда не ступить на дорогу нечистых помыслов. Нельзя. Потому что тем самым она предаст себя, Учение и старого учителя.

Но свой собственный дом — как же это заманчиво! Растения в горшочках, пушистые ковры и тишина. Может быть, даже фонтан во дворе...

Поддаться соблазнам так легко — невероятно легко. Одно лишь «да», и выдолбленные на душе стальные принципы в мгновение ока проржавеют, осыплются на землю гнилой стружкой, а на их месте останется черная дыра. И фонтан во дворе.

— Так ты расскажешь мне о своих умениях? — Черные глаза буравили ее, как сверла. Казалось, на их дне рассыпано битое стекло, и Тайра ходит по нему босиком. — Расскажешь?

И она в который раз за последние несколько часов промолчала.

С тех самых пор за ней наблюдали. Кто-то невидимый ей, ежедневно стоящий у ограждения «загона». Она никогда не видела своего персонального «надзирателя» в лицо, но постоянно ощущала на себе его цепкий изучающий взгляд — колкий и царапающий, стремящийся пробраться внутрь черепной коробки.

Мелкий колдун? Мистик? Нет, мистик бы не подался на службу Вуруну — она, если говорить честно, вообще до этого момента не встречала себе подобных, хоть Ким изредка упоминал о таких.

Кем бы ни являлся пристально следящий за ней человек, своего поста он не покинул ни разу. Интересно, чего он ждал? Явного проявления дара — постановки открытого щита? Вытягивания энергии для собственной подпитки из других людей? Случайно разросшегося под ногами Тайры коврика зеленой травы?

Если так, то его ждало разочарование — последнего она делать не умела, а на первые два пункта никогда бы не отважилась.

«Загон» бубнил голосами, стонами и привычными звуками танцующих ног. Жара усиливалась, цепкий взгляд не отпускал.

Истекая потом, Тайра надеялась лишь на одно — на то, что сегодня придет Сари. Случайно решит навестить подругу и захватит с собой воды. А если так, то ждать осталось два часа. Два часа жжения на макушке, боли от спекшихся в корку запястий, ломоты в коленях и два часа препротивнейшего ощущения того, как на твоих ступнях формируются пузыри от ожогов.

Черт бы подрал беспощадное солнце Руура. Черт бы подрал сам Руур. И черт бы подрал эту нестерпимо жаркую клетку.

Ким говорил, что ад — это когда душа, зацикленная во временной петле, без способности выбраться наружу, должна постоянно совершать ненавистные ей действия. Раз за разом, круг за кругом — бесконечно, пока не сторит в муках и агонии.

Стоя в «загоне», изнывая от истощения и головной боли, Тайра никак не могла понять, существуют ли различия между адом и этим местом? А если так, то одно она знала наверняка: стоит Сари сегодня не появиться, и в отсутствии воды эти мнимые (если они и существуют) различия сотрутся вовсе.

Этот запах она помнила давно: смесь лавандового и апельсинового масел, нотка корицы, цветка Архи и букет из эфирных настоек.

Так пахла кожа всех наложниц Сладких Домов.

Впервые она почувствовала его три года назад, когда спустя несколько дней после второго распределения Сари пришла навестить подругу в дом, куда отправили работать Тайру.

— Привет. Заходи. Нет, в общую комнату нельзя, там сейчас хозяин. Проходи вот сюда...

Тихонько скрипнула дверь под лестницей.

Они сидели на кровати, а крохотную комнату через единственное, распахнутое настежь окно, заливал мягкий персиковый цвет, опустившегося на Руур заката. То был первый раз, когда они увиделись после распределения, когда Тайра стала служанкой, а полногрудая, полногубая и черноглазая Сари — наложницей в Сладком Доме.

Они встретились и подружились в пансионе: обеим по пять — маленькая, кудлатая и зареванная Тайра и вечно напуганная и неуверенная, длинноволосая Сари. Такие разные, но такие похожие. Обе потерявшиеся в жизни, обе старающиеся найти пруттик, за который можно держаться, и в течение всех этих лет вынужденные скрывать общение, которое не просто не поощрялось — было строго наказуемо наставницами. Но годы текли, и синяки, получаемые обеими всякий раз, стоило матерям-наставницам обнаружить девочек вместе, не смогли похоронить дружбу.

— Как ты? Как все прошло?

Сброшенная с плеч тулу с фиолетовой Дерой на подоле лежала возле кровати; Сари смущенно потирала густо намазанное чем-то жирным плечо.

Тогда им обеим было по восемнадцать, а тогда Тайра в первый день почувствовала этот запах — запах лаванды и апельсина.

— Даже не знаю, как сказать.

— Почему? Все было плохо? Там так ужасно, как рассказывают?

— Да, в общем... нет, наверное. И да, и нет.

— Не понимаю. Так хорошо или плохо?

Темные глаза Сари смотрели на собственные густо покрашенные красной краской ногти на ногах — кажется, любовались; на одной из лодыжек позвякивал золотой браслет.

Подруга смущенно втянула воздух, оторвала взгляд от собственных ступней и взглянула на Тайру — на ее лице играла растерянная и странным образом довольная улыбка.

— Ты не поверишь, если я расскажу...

— Поверю! Говори!

— Знаешь, надо было тебе пойти со мной.

— Я не могла, ты же знаешь. Распределение не обсуждается.

— Да знаю я, знаю.

— Так что там было?

О Сладких Домах можно было услышать от мужчин, но никогда от женщин, никогда изнутри, и теперь Тайра нетерпеливо подпрыгивала на кровати, желая узнать продолжение.

— С самого начала?

— Ну, конечно!

— Ладно, слушай. — Сари откинула кудрявые волосы с плеч, оперлась спиной на стену и принялась тереть собственные пальцы. — Ты только...

— Что?

— Не осуждай меня...

— Что?

Она откровенно чего-то смущалась, но чего? Даже в те далекие времена, когда она иногда воровала еду из чужих, втайне переданных родителями дочерям, сумок — не их собственных, нет, собственные родители что у одной, что у другой оказались слишком послушными, чтобы нарушать законы пансиона — Тайра никогда не осуждала подругу. Еда — она такая. Ее лучше иметь, чем не иметь. Это они обе уяснили с детства.

— Я не буду тебя осуждать.

— Точно не будешь?

Тайра воспроизвела пальцами жест клятвы Богу, после чего спросила:

— Видишь?

А пятью минутами позже она свисала вниз головой с собственной кровати, пытаясь успокоить бушующую в непонятных местах кровь. Уши горели.

— Она что, правда оставила тебя в этой комнате?

— Говорю же! Сделала вид, что разговаривает с владельцем Дома, а меня оставила в сторонке. А там... Там...

Сари покраснела сильнее прежнего.

— Там все... трогают друг друга. И они везде — люди. Пары. Только чаще всего одна женщина и несколько мужчин...

— Это же... ужасно!

— Я бы тоже так сказала, только я обомлела, когда увидела написанный на лицах наложниц восторг. Их... В них проникают отовсюду — Тайра, не поверишь, — в рот, сзади, снизу, а они так сладко стонут.

Тайра сползла с кровати, поплотнее прикрыла дверь и подоткнула в щель свернутый в рулон платок — не дай Бог Радж услышит хоть слово.

— И ты смотрела на них? Ждала, пока хозяйка поговорит с владельцем и стояла в той самой прозрачной юбке и с голой грудью?

— Да. А все смотрели на меня в ответ. Сношались и любовались моими... титьками. А потом...

— Что потом?

Тайре казалось, что ее грохочущий пульс заглушит дальнейшие слова, но уши оказались более любопытными и жадными, нежели, пытающаяся оградить хозяйку от дальнейших подробностей, совесть.

— Потом ко мне подошли сразу двое. Один начал гладить по груди и приговаривать что-то вроде: «Ну, как это нельзя ее трогать? Посмотри на эти чудные упругие арбузы — если такие выросли, значит, она полностью готова», а второй...

— А как выглядел первый?

— Голый. И лысый. Он трогал меня за соски, но не щипал, а ласково так гладил — нежно. Брал груди в руки, взвешивал их, стонал от удовольствия. А его член...

Тайре казалось, что сейчас она рухнет сквозь пол — провалится в преисподнюю за то, что позволяет себе не только слышать такое, но и представлять. Член... Боги, она видела его. Один раз. Случайно.

— Его член стоял, как палка — длинный такой, напряженный. Он упирался в меня, представляешь?

— Он горячий?

— Еще какой. И твердый очень. Но первый — это еще ладно. Ты не представляешь, что начал делать второй — а ведь я даже его лица толком не видела.

— Что?

Теперь тело Тайры горело полностью. Хотелось сесть на что-нибудь верхом и почесаться о твердую поверхность промежностью.

— Он... Он юркнул мне между ног, устроился задом на полу, раздвинул там складочки и принялся лизать.

В этот момент глаза подруг встретились — у обеих круглые, как медяки.

— Лизать?!

— Да!.. — Сари вновь принялась теребить край задранной вверх юбки. — Ему настоятельница орет: «Внутри не проникайте, она еще девственница!» — а этим хоть бы ухом. Один все грудь тискает, а второй мягко так «там» лижет.

— И... И... тебе это нравилось?

Черные глаза Сари стыдливо прикрылись от воспоминаний.

— Ты удивишься, но... да. Это было так... вкусно. Он делал это так осторожно, мягко, неспешно. Но самое ужасное случилось тогда, когда ко мне подошел кто-то сзади...

— Еще один?

— Да. Его я вообще не видела. Но тоже голый, потому что его член уперся мне прямо между половинками попы и начал там тереться.

— О-о-о...

К этому моменту Тайра растеряла все слова. Она уже успела посидеть, полежать, походить по комнате — правда недолго, — и снова плюхнуться на коврик у кровати.

— Они все делали так слажено... Понимаешь? Один за грудь, второй там лижет, а третий упирается прямо в попку. Не ниже, а прямо...

— Прямо туда?

— Да!

— А я голая, по сторонам все эти пары — мужчины сверху на женщинах, мужчины снизу под женщинами, все стонут, извиваются, тела блестят от масел... И когда тот, что был сзади, начал тереться активнее, — кажется, его член тоже был в масле, я...

— Ты — что?

— Я вся затряслась и изошла на волны удовольствия.

— Ты? Правда? Значит, женщины не врут, что это случается?

— Нет, не врут. Это было непередаваемо, Тайра! Словами не описать. Это, как если бы у тебя внутри одновременно включились все центры наслаждения — сильные, как морские волны и нежные, как крылья бабочки. Я думала, что моя голова взорвется от удовольствия... И еще этот бородатый мужик слева, который пихал свой... переросток девушке в рот... Толстый такой.

— А что он?

— Я почему-то представляла, что он пихает его мне. И... В общем...

В этом месте повествования Тайра обнаружила, что потеряла всякую возможность комментировать услышанное — рот пересох, язык сделался вялым, как рыба, а округлившиеся глаза никак не желали сужаться.

— А настоятельница? Она все это видела?

— В том-то и дело. — Щеки Сари полыхали. — Видела. Потому что каждые полминуты

поглядывала на меня и этих... И ничего им не сказала. Наверное, хотела, чтобы они сделали все это. Хотела, чтобы я почувствовала удовольствие.

В ту минуту Тайра впервые в жизни уловила неконтролируемое, почти дикое желание увидеть все своими глазами. Быть на месте той настоятельницы, чтобы спокойно оглядываясь вокруг, рассматривать голые мужские тела — их обнаженные пуза, черные поросли под ними, стоящие твердые и горячие пенисы, погруженные в чей-то рот...

Так вот почему Сари боялась осуждения.

Потому что проглотила амброзию Сладкого Дома и полюбила ее на вкус, потому что позволила себе начать нежиться в мужских руках, получать от этого удовольствие.

Тайра не знала, что чувствует — разочарование от того, что не стала наложницей или же все-таки радость от того, что стала служанкой. С одной стороны, было бы здорово ощутить головокружительный аромат совокупления (или хотя бы увидеть его так близко), а с другой... С другой... Стоит один раз поддаться животному наслаждению, и после всегда, каждую минуту, ты будешь непрестанно жаждать его, желать влить себе в вену еще капельку, и еще... совсем чуть-чуть...

Сари уже не выпугается из этой ловушки никогда. Ее кожа всегда будет пахнуть апельсиновым маслом, а тело трогать чьи-то руки. В ее лоно всегда будут входить члены разных мужчин, а сама она стонать от удовольствия.

Нет, пусть это красиво и заманчиво, но это не путь Тайры.

А Сари... Верно говорили старухи — в ее крови пустила корни огненная Дера. И она теперь не снаружи — не на подоле тулу — она внутри. В коже, в венах, в каждом капилляре.

* * *

Теплая вода отдавала глиной, но Тайра жадно глотала ее и все никак не могла напиться — еще, еще, пусть она прольется родниковым источником в желудок, пусть смочит шипящие внутренности, пусть оросит изнутри, превратившееся в печь, тело.

Когда из фляги в рот вытекла последняя капля, Тайра протянула пустой сосуд назад и на вопрос «еще?» хрипло ответила «да».

Пахнущая лавандой рука, протянула кожаный бурдюк.

— Как хорошо, что я взяла много — как знала, что понадобится. А я ведь, знаешь, с самого утра про тебя думала, все не могла забыть. Как проснулась, так сразу решила, что сегодня приду.

Тайра, стыдясь манипуляций, которые проводила с головой подруги прошлой ночью, подавленно молчала. Но вода дороже — теперь дороже принципов.

Сари сидела на земле по ту сторону решетки; охранников, слава Богу, не было видно — наверное, ушли в дальнее помещение ужинать.

— Я принесла лепешки и сушеное мясо — на, спрячь его пока. В тряпке завернут кусочек сыра, там же есть несколько конфет и остатки пирога с рисом — вчера пекла.

— Спасибо.

Переданный сверток, едва протиснувшийся сквозь прутья, тут же был упрятан под изголовье соломенной подстилки. И не беда, что сегодня в чашке нет монет, зато есть Сари — верная подруга, без которой Тайру давно бы уже навестила Темная костлявая владычица.

Чур ее, чур прочь — еще не время.

Воды во втором сосуде хватило на то, чтобы утолить жажду и даже на то, чтобы смочить подол протертого до дыр жесткого холщового тулу — Тайра так же плеснула несколько капель на широкий размотанный пояс и приложила его к лодыжкам — кожа отозвалась новым приступом боли — на этот раз прохладным. Потворство — воду бы экономить — но нестерпимо сильно хотелось унять донимающее сутками напролет жжение.

А теперь ногам прохладно, почти хорошо.

— Я оставлю? — В бурдюке плеснула вода, чуть меньше половины. — Отдам пустой в следующий раз, ладно?

— Конечно. У меня еще есть. — Сари легко махнула рукой, повозилась с горловиной мешка, в котором принесла еду, и сложила его у ног. Затем встревожено спросила. — Как ты?

— Плохо. — После паузы отозвалась Тайра, глядя в противоположную стену — земляную, шероховатую. Какой смысл врать? Они слишком давно знакомы, чтобы унижать друг друга ложью. — Здесь жарко. Каждый день жарко стоять на солнцепеке — кожа покрывается волдырями.

— Это ужасно. Я бы не смогла.

Если бы эти слова произнес кто-то другой, они бы прозвучали лицемерно, но не в случае с Сари — та вложила в них искреннюю грусть, и сразу сделалось понятно: да, она не смогла бы.

— Ты держись. Тебя ведь выпустят? Ну, докажут, что ты была ни при чем, и выпустят. Да?

— Наверное. — Ей бы и самой в это верить, но стоило вспомнить вопросы колдуна, как становилось ясно: не выпустят, не вот так просто. Тайра повернула голову и прижалась щекой к прохладным ржавым прутьям. — А ты ходила в дом Кима?

Послышалась возня, затем возбужденный шепот:

— Ходила. Его дом выставили на продажу и дверь там отперта. Я заходила внутрь, осматривала комнаты, но книг нигде нет. Ни одной. Ты уверена, что они там были?

— Уверена. Ты осматривала подпол? Кладовые?

— Кладовые осматривала — пусто, а входа в подпол не нашла. Может, был у старика тайник?

Может, и был.

Как и когда Кимайран успел запрятать ценные манускрипты?

Сомнений в том, что он успел сделать это до собственной смерти, не возникало — иначе бы Брамхи-Джава не исходил яростью во время второго допроса, обрушивая на Тайру раз за разом одни и те же вопросы — где книги? Где книги? Ты ведь там работала — где его книги?

Фолианты были завещаны ей старым Учителем, и даже в том случае, если бы Тайра знала, в каком направлении они испарились из белокаменного дома, никогда бы не сказала об этом поганоглазому колдуну — именно так она его теперь мысленно называла.

Черные глаза. Обсидиановые. Холодные и непрозрачные, злые — плохие глаза, поганые.

Однажды она найдет наследие Кима — где бы оно ни хранилось — найдет, разгадает загадку, отыщет тайник и заберет.

Но сначала бы выйти...

— Как у тебя дела со здоровьем Рухи? Еще не оседлала его?

То была их постоянная шутка, начиная с тех времен, как Сари устроилась работать в Сладкий Дом. Она часто рассказывала об огромном, пузатом и бородатом мужчине по имени

Руки, чей чрезмерно толстый орган свисал почти до колен, и кто никогда не приближался к наложницам — просто приходил и сидел на мягкой подушке у стены. Однажды Сари обмолвилась, что не прочь была бы попробовать оседлать такого «жеребца», и с тех пор Тайра подтрунивала на эту тему.

— Нет. — Ответили ей раздраженно, но с улыбкой. — Он так и сидит. Смотрит-смотрит-смотрит.

— Ничего, будет еще время.

Охранники не показывались, и Тайра ценила каждую минуту, проведенную не наедине. От Сари, несмотря на запах апельсинового масла, пахло домом — улицами Руура, специями из лавок торговцев, чистой тканью и чуть-чуть едой.

— Расскажи мне о чем-нибудь. О чем угодно, пока есть время.

Подруга задумалась. Тот факт, что почти все свое свободное время, служа в Вакхши, не позволял ожидать, что Сари вдруг заговорит об астрономии, математике или тонких науках, и когда зазвучала первая фраза, Тайра почти не удивилась.

— Сегодня у нас на мраморном полу поскользнулась рыжеволосая Луя. Ударилась головой, представляешь? И теперь лежит в верхней комнате и не просыпается. Все боятся, что она умрет. А ведь молодая, красивая. Правда, красивая — одна из самых популярных. Никто не знает, что теперь делать...

Слушая печальные новости, Тайра автоматически переключилась в режим внутреннего зрения — мысленно отыскивала Лую, запустила скан физического тела, отыскивала наличие повреждений. Да, действительно — удар затылком, гематома... Луя не здесь — она зависла между мирами. Не замечая того, что по привычке ищет пути решения, Тайра запустила еще один процесс — определения срока жизни. Мысленно поставила в пространстве сияющую точку, назвала ее Луя, затем поставила два отрезка: лето девятьсот шестого года^[5] и осень девятьсот шестого года — между отрезками сразу протянулась тонкая золотая нить — энергия жизни. Протянулась, не погасла, и, значит, Луя до осени проживет.

Тайра добавила еще одну точку — начало девятьсот седьмого года — золотая линия протянулась и туда — яркая. Свет ее даже усилился, на участке перед третьей точкой сделался зеленым, затем вновь превратился в золотой.

— Выживет ваша Луя, не переживай. Очнется, правда, нескоро, через несколько месяцев. — Как раз в тот временной отрезок, когда позеленеет энергия жизни.

Этого она добавлять не стала.

— Да? — Сари притихла, задумалась. По какой-то причине не стала спрашивать «откуда», просто помолчала и добавила. — Это хорошо, настоятельница обрадуется. Я ей скажу...

— Ничего ей не говори. Не про меня.

— Про тебя не буду. Скажу, чтобы продолжали ухаживать.

— А-а-а. Это скажи. Пусть лекари вводят ей еду — они умеют.

— Ага. — Вновь возникла пауза. Тайра слышала, как скрипят «шестеренки» — Сари искала новую тему для разговора. Через несколько секунд нашла. — Знаешь, я сегодня заходила к бабке Туаве — ну, той, что торгует пампушками — хотела купить для тебя несколько.

— И что?

— А то, что их нет — пампушек. Ни одной. Бабка пожаловалась, что у нее сводит руки, и не гнутся пальцы — из-за этого она не может замесить тесто, вот я и купила лепешек в

соседней лавке. Нужно будет поискать другое место — побалую тебя в следующий раз.

— Здорово. Спасибо. Ты, главное, воды принеси.

— Это конечно.

В конце коридора протяжно скрипнула железная дверь — отразились от стен зычные голоса охранников.

— Ой, я побежала, пока не увидели. А то придется... расплачиваться.

Тайра встрепенулась.

— Конечно. Беги! Я буду ждать тебя, когда сможешь...

— Ага. Не грусти, я еще приду.

— Удачи тебе!

— И тебе. Все еще будет хорошо, вот увидишь.

— Конечно.

Проворно поднявшись с земли, укутанная с головы до ног в тулу, Сари подняла мешок и бросилась прочь от клетки — уже у самого выхода взметнулась вверх ее ладошка. Тайра помахала в ответ, чего растворившийся в солнечном свете силуэт уже не увидел.

— Приходи. — Прошептала пленница тихо. — И спасибо тебе за еду.

Шаги охранников приближались; постепенно растворялся в воздухе запах апельсина. Тайра сладко грелась мыслью о том, что под подстилкой хранятся запасы провизии, к которым она прикоснется ночью.

Ночью. Скоро. Пир.

Во тьме камеры, невидимые ни единой душой, сухие губы сложились в улыбку.

Глава 2. Начало катаклизма

Мир Уровней. Нордейл.

Когда за окном послышался шум обрушившегося на асфальтированные дороги ливня, Бернарда проснулась, но глаз не открыла — она открыла их тогда, когда вслед за вспышкой молнии, осветившей комнату даже сквозь веки, раздался ужасающе сильный громовой раскат. Такой громкий и настолько близко, что, казалось, дрогнули и крыша, и потолок.

— Дрейк?

Похлопывание по прохладной простыне ладонью подсказало, что рядом никого нет. Дрейк находился где-то еще.

Дина перевернулась на бок и посмотрела на часы — 4:26. Утро. За окном темно, льет, как из ведра, в комнате пусто.

Хотя... нет, не пусто. Одетый в рубашку и брюки мужчина — тот самый, которого она ожидала найти голым и лежащим в постели рядом с собой, — сидел в кресле. Его серо-голубые глаза оставались открытыми, но зрачки и веки застыли неподвижно — Начальник Комиссии пребывал не то в состоянии транса, не то в глубокой медитации — в кресле, Бернарда уже знала это, — сидело тело, разум же находился где-то еще. Скорее всего, как и множество раз до этого, в поиске ответов на вопросы. Неизменно Вселенского масштаба.

— Дрейк?

Тишина. Грохот капель по подоконнику — казалось там, за окном, на город ежесекундно обрушиваются тонны воды. Она подумала, что если так продлится до утра, то машины поплывут по улицам, как венецианские гондолы. Забавно было бы на такое посмотреть — забавно, но лучше не надо.

Ясно. Придется досыпать одной.

В последнее время такие ситуации участились. Дрейк Дамиен-Ферно — творец мира Уровней — чьи эмоции редко отражались на лице, часто ходил обеспокоенный и подобным образом «зависал». Преимущественно дома (хотя, может и на работе — она не видела), вечерами, когда выдавалась свободная минута или когда его ответы на вопросы не требовались окружающим. О чем-то напряженно думал, ломал голову, много молчал.

Дина волновалась. Если Дрейк начинал «зависать», значит, что-то случилось. И еще этот дождь. Слишком сильный — не по сезону — и это несмотря на то, что вчера уже был один, через час, впрочем, сменившийся адской жарой, которая пнула по столбикам термометров с такой силой, что ртуть едва не вылезла из стеклянных колб.

А сегодня снова дождь...

Ей хотелось вновь произнести его имя, позвать, но она знала: результата не будет. Если Дрейк ушел «в себя», то тревожить его не стоит. Нужно просто завернуться в одеяло, закрыть глаза и постараться не обращать внимания ни на молнии, ни на барабанную дробь по подоконнику, ни на сотрясающие город громовые раскаты. Погода уймется, все будет хорошо. И внутреннее беспокойство уймется тоже.

Бернарда еще раз посмотрела на сидящего в кресле человека, расстроено поджала губы, а после зарылась в одеяло с головой и закрыла глаза.

Все будет хорошо. Обязательно будет.

Она проснулась в восемь и взмахнула рукой, чтобы по привычке обнять теплое тело, но ладонь нащупала лишь мягкое одеяло и матрас под ним.

Резкий подъем в вертикальное положение, взгляд за окно — небо синее, без облаков, — взгляд в противоположный конец комнаты — кресло пустое.

Никого. Тишина спальни и покачивающаяся от ветерка занавеска.

— И тебе доброе утро. — Произнесла Дина креслу, ссутулилась, обмякла, посидела так какое-то время, затем мысленно взбодрилась и принялась выбираться из кровати.

Ничего, сейчас она умоется, оденется и «прыгнет» к Клэр — позавтракает, потискает котов, а после отправится в Комиссионную библиотеку, где, возможно, и встретит любимого мужчину, так некстати испарившегося из спальни.

Встретит, и тогда лично пожелает ему доброго утра.

* * *

«— За одну только сегодняшнюю ночь на город обрушилась месячная норма осадков. От жителей восточного района посыпались жалобы на затопленные подвалы и складские помещения; уровень воды в озере Айлин поднялся на двадцать девять сантиметров. Обширный грозовой фронт, сформировавшийся над Кайланским заливом, захватил не только Делвик, но так же Клендон-Сити, Нордейл и Хааст. Невиданной силы гроза многим не позволила сегодня сомкнуть глаза; удары молний в центральном и западном районах повредили линии электропередач...»

Одетая в бежевый пиджак и белую блузку ведущая ровно зачитывала напечатанный на листке текст, но на ее лице, вопреки обыкновению, проступало беспокойство. Наверное, и она не стала исключением из тех, кто не смог заснуть этой ночью.

Взгляд жующей тост с сыром и беконом Клэр был прикован к телевизору, а вот взгляд Дины не отрывался от собравшихся на ковре перед «чудо-ящиком» Смешарикам, которые вели себя непривычно тихо — собрались тесной группой перед экраном и все, как один, слушали телеведущую. Не катались с визгами по дому, не шалили, не чавкали ягодами, не просили добавки, не превращались в излюбленные ими башками или резиновые мячи, а... смотрели новости.

Вот дела.

Пока дама на экране задавала вопросы синоптикам, а те, сохраняя умное лицо, пытались ответить о причинах возникновения необычной аномалии, Дина поднялась с дивана, обогнула стол и уселась на ковре рядом с пушистиком. Погладила одного из них по длинному, отливающим фиолетовым, меху.

— А вы знаете, что происходит?

На нее одновременно посмотрело несколько десятков пар золотистых глаз, но в ответ не раздалось ни слова.

— Что происходит с погодой, знаете?

Через какое-то время тот, что сидел поближе, выдал уверенное, но почему-то грустное «аем» — знаем.

— И что? Что творится, а-а-а? Откуда такие перепады? Расскажите мне.

Прежде чем ответить, Смешарики непривычно долго молчали, а затем выдали непонятно по какой причине напрягшее Дину слово — «ложно».

Они говорили «сложно». Все сложно.

Почему?

Вернулась ночная тревога, вспомнился сидящий в кресле Дрейк.

— Почему «сложно». Объяснить можете?

В тот момент, когда один из них открыл рот, желая что-то пояснить, из противоположного конца гостиной раздался удивленный голос Клэр:

— Глазам своим не верю! Дина! Иди сюда, посмотри...

Бернарда мгновенно поднялась к пола, подошла к держащей занавеску подруге и застыла.

За окном, совсем как в декабре перед новым годом, тихо и неслышно, огромными хлопьями с неба на землю валил снег.

Снег? В Августе?! И это притом, что вчера стояла невыносимая жара, а ночью шел дождь?

— Снег! Глазам своим не верю. А посмотри на термометр! — Клэр указала на стремительно падающую температуру. — Утром было плюс восемнадцать, а сейчас плюс два. Плюс два! Что одевать на работу?

Бернарда заморожено смотрела на опадающую вертикальную красную линию, и ее не покидало чувство, что надвигается что-то плохое. Не просто плохое — катастрофически ужасное.

— Не знаю, — ответила она, наконец. — Но мне это все не нравится.

В голове вновь всплыло неприятное и пугающее слово «сложно».

* * *

— Что показывают частотные датчики атмосферы?

— Гиперактивность.

— Вышележащие слои?

— Искажения в потоке частиц. Резкие изменения их направления.

— Как реагирует Транар?

Сидящий в кресле Джон Сиблинг, откатился назад и посмотрел на один из многочисленных полупрозрачных экранов, зависших в воздухе.

— Транар показывает сплошную чепуху. Сигнал нечитаем.

Дрейк, окруженный скользящими вокруг него потоками строк, поджал губы и нахмурился; между его бровями проступили две резкие полосы — те самые морщины, которые появлялись на лице начальника лишь в моменты максимального напряжения.

— Дай график модуляции титосферных слоев.

Между двумя экранами возник еще один — большой; по нему тут же принялась скользить, изгибаясь, словно змея, кривая.

— Мне нужно знать, что происходит вокруг защитного контура. Что действует на наш мир извне.

— Но там нет датчиков, Дрейк. Туда вообще не заглядывать.

— А надо! — Зло ответил одетый в серебристую форму человек — вторя недовольному голосу, раздраженно зашуршала ткань рукава, когда тот поднял руку, чтобы потереть подбородок.

— Наблюдай за системами, подключи всех, ведите статистику. Мне понадобится знать обо всех отклонениях слоев, которые вы сможете зафиксировать.

— Если я брошу туда всех, кто будет следить за другими отделами?

— Плевать. Пока я хочу знать о том, что происходит вокруг нашего мира. Собирайте данные.

— Понял. — Сиблинг кивнул. Он давно не видел Дрейка в таком скверном расположении духа. — Что выдавать в масс-медиа?

— Придумай то, что успокоит людей.

— Но аномалии будут продолжаться...

— Они будут продолжаться дольше, если ты не перестанешь болтать.

— Понял. Все сделаю.

Начальник покинул кабинет, хлопнув дверью. Совсем, как человек.

* * *

Снегопад застал людей неожиданно.

Когда на капот машины, которую протирал хлопковой тряпкой Мак Аллертон, упал первый белый сгусток, тот подумал, что это, должно быть, тополиный пух. Прохладно и поздновато для пуха, но в виду недавней жары, возможно, деревья зацвели дважды.

Мак подошел, чтобы смахнуть его, и в этот самый момент разглядел кристаллики льда и воду вокруг.

Снег. Снег?

А через несколько секунд, едва он успел поднять лицо и взглянуть на небо, снежный «пух» повалил, как из ведра — на капот, крышу, траву и дом. Вокруг резко похолодало.

Какого черта?..

Моментально продрогло под тонкой тканью майки тело — Аллертон выругался, закинул тряпку внутрь салона, хлопнул дверцей и отправился в дом за курткой.

В этот самый момент, восемью кварталами правее к юго-западу, светловолосая девушка склонилась на растущими вокруг дома розовыми бутонами. Смахнула с одного снежную шапку, наклонилась к другому; затем, сама того не зная, повторила жест множества других людей, сделавших в этот момент тоже самое: посмотрела на небо.

— Снегопад? Быть такого не может... Барт, прекрати лаять! — Она удивленно проморгалась, смахнула со щеки снежинку и вновь посмотрела на кусты, которые всю ночь нещадно поливал дождь. — Они же замерзнут! Теперь точно все померзнут... Куда смотрят синоптики?

Озябнув всего за минуту, Ани-Ра окликнула сидящую на гравийной дорожке овчарку, и они вместе отправились в дом.

И только маленький пушистый кот по имени Хвостик, живущий в особняке под номером два на Риатон-драйв вовсе наслаждался происходящим — улизнул от хозяйки во двор и теперь с любопытством расхаживал лапами по сырой и покрытой чем-то непонятным и холодным, траве. Наступал подушечками на ледяные кристаллики, принюхивался к ним, разглядывал и иногда стряхивал их же с ушей.

Когда позади раздался знакомый голос, он сначала подумал, что его зовут обратно в дом — есть, но фраза звучала как-то иначе — непонятно и встревожено.

— Рен, посмотри. За окном валит снег. Снег в августе, можешь представить?
Слов Хвостик не разобрал.

* * *

Он двигался по коридору по направлению к комнате-генератору — помещению с вмонтированными в пол и стены дополнительными источниками энергии — и думал. Думал настолько интенсивно, что начала гореть голова — в теле запустились процессы интенсивной работы канальной системы. Дрейк не чувствовал подобного в течение последних лет ста, если не двухсот, и это тоже являлось тревожным признаком — он перегревался.

Но как быть, когда мир, который ты создавал в течение последнего тысячелетия — хотя, можно ли использовать это слово, зная, что время тонко, что это неуловимо гибкая субстанция? — рушился прямо на глазах?

Это не ребенок — это хуже, чем ребенок. Ребенком для Дрейка здесь являлось все — каждая пылинка, песчинка, растение, воздух, почва и материя, что создавала окружающие людей предметы.

И это все трещало по швам.

Он должен выяснить причину, отыскать ее, чего бы это ни стоило, и найти решение проблемы. Вот только для того, чтобы отыскать причину того, что лежит за пределами фиксации датчиков, придется выйти наружу — сильно наружу — за пределы тела, за пределы этого мира, в бескрайние просторы Вселенной.

Замок на входе среагировал на приложенный палец — дверь бесшумно отъехала в сторону.

Здесь, в помещении, где стены выстланы кристаллической структурой, аккумулирующей энергию, он сможет это сделать. Или попытаться это сделать. И да, когда он выйдет отсюда, его не только не сможет коснуться ни одна собака, к нему не сможет приблизиться ни один другой представитель Комиссии — слишком сильным будет фон.

Издержки профессии.

Дрейк мысленно усмехнулся, но на лице это не отразилось.

Когда дверь закрылась и зафиксировалась, он занял единственное в комнате, стоящее в самом ее центре, кресло, положил руки на подлокотники, какое-то время смотрел на флюоресцирующий голубоватый свет — успокаивался, выравнивал дыхание — после чего закрыл глаза.

Один... Два... Три... Он должен собраться и выйти туда, где не был очень давно — в первозданную пустоту. Главное, попасть в нужное место этой пустоты, а не абы куда, и тогда появится шанс увидеть картину в целом.

Тихо гудели стены.

«— Но там нет датчиков, Дрейк...»

Голос Сиблинга продолжал звучать в голове, и Начальнику хотелось кивнуть — да, он единственный датчик — другие не помогут.

Четыре... Пять... Шесть...

Достаточно ли успокоено для этой процедуры сознание? Сейчас понадобится предельная концентрация и внимательность. Лишь бы хватило энергии — своей и той, что

накоплена в комнате.

Семь... Восемь... Девять...

Пора.

Привычный к командам изнутри разум, начал погружаться вглубь — вглубь бытия, оболочки, тьмы внутри головы. Когда он достиг «дна», то медленно вышел наружу — на обратную сторону личности того, что называлось человеком и начал дрейфовать в ином направлении — вверх. Выше, выше, еще выше.

В какой-то момент сделалось легким тело — органы в нем стали невесомыми — значит, сознание оставило его, вышло наружу. Вверх-вверх... Еще выше.

Сначала он увидел эту комнату и его самого, сидящего в кресле — отстранено подумал о том, что совсем непримечательно выглядит — что нашла в нем Бернарда? — но уже через секунду забыл эту мысль. Коридор, потолок, другой этаж, люди в серебристой форме. Муравьи в муравейнике, где каждый отвечает за свое маленькое действие, приводящее к слаженной работе системы в целом. Они работают, потому что пока еще могут, потому что мир еще не разрушен, но если он не найдет ответ...

Тревога мешала сосредоточиться, а потому была отброшена в сторону.

Еще выше.

Вот он уже вне здания — на свободе, на воздухе, которого не чувствует.

Выше. Мировосприятие вошло в иной режим — режим сканирования энергетических потоков и их составляющих — все вокруг пошло рябью: предметы, дома, люди.

Выше.

Он заметил *это* на уровне верхних слоев атмосферы — первые признаки беды — сияющие белизной точки. Маленькие, почти незаметные и пока еще в небольшом количестве. Достигнув материи созданного им мира, они моментально вживлялись в него и искажали. Не ломали, но действовали на точную структуру так, как ржавчина действует на металл, разъедали ее.

Что это за...?

Точки. Десятки светящихся сгустков, а чем выше, тем больше — сотни. Откуда они взялись?

Выше.

Выйдя за предел верхнего слоя, он увидел собственный мир в целом — заключенные в шар Уровни — расположенные друг над другом слои, на каждом из которых кипела жизнь. Увидел, и залюбовался. Переплетением «этажей», геометрией, точностью конструкции, сияющими переходами Порталов, пронизывающими его творение сверху донизу, центральным столбом, существующим только для комиссии и ни для кого другого — зданием центрального офиса. Осью местного мироздания — его домом.

Мир, как же ты красив, как прекрасен в своей изящности, в своей сложности, в своем великолепии.

Еще чуть выше.

Подниматься стало тяжело — там, внизу, физическому телу дыхание давалось все труднее, но разум должен оторваться еще — еще, туда, откуда он увидит всю картину.

Вокруг лились и переливались потоки Вселенской энергии — чистой, нетронутой, первоосновной. В ней хорошо, но почти невозможно долго находиться — ни одно сознание не может выдержать такой нагрузки дольше минуты.

Источник. Нужно отыскать источник проблемы.

Дрейк усилием воли заставил себя оторваться от созерцания собственного мира, повернулся сначала в одну сторону, накренил фокус восприятия — чисто, затем в другую — здесь точки были, но немного. Еще левее...

И тогда он увидел «это». Пока еще далеко, но уже в опасной близости от купола мира Уровней — облако из скопления белых точек — резких, агрессивных, хаотично движущихся сгустков — огромного, невероятно большого их количества.

Господь помоги ему — что это?

Субстанция зависла в пространстве-времени прямо на их пути движения — зловещая, яркая, слишком большая, чтобы избежать столкновения.

Как же так? Ведь когда он просчитывал траектории, то следил, чтобы его мир не пересек лежащие в опасной близости, агрессивно воздействующие области, но, видимо, чего-то не учел? Не усмотрел?

Ни одна энергия не стоит на месте — во Вселенной движется абсолютно все. Не линейно, но слоеобразно — перетекает из одного состояния в другое — так же движется и его мир.

Не может быть... Такого не должно было быть. Облако двигалось тоже. Навстречу. Скорость определить не удавалось.

Стало ясно, что касание верхних атмосферных слоев — это только начало. Изменения погоды, неожиданные штормы, резкие перепады температуры — точки захватывали его реальность, как сорняки захватывают плодородную почву. Если движение продолжится, то сорняки проникнут глубже, пустят в его земле корни, и начнутся такие катастрофы, которые не показывал ни один человеческий фильм.

«Нужна защита. Срочно нужна дополнительная защита...»

Эта мысль оборвалась, потому что в этот момент сидящее в кресле физическое тело издало хрип — перестало выдерживать нагрузку, — и разум Дрейка болезненным и резким рывком вернулся на место.

Комната, синий свет, резь в глазах и невозможно дышать.

Стук сердца — глухой и прерывистый, боль в грудной клетке. Успокоиться, срочно успокоиться, выровнять параметры оболочки, потому что если она сейчас треснет, этому миру уже никто не поможет.

Никто.

Дрейк попытался открыть глаза, но не смог терпеть даже приглушенный свет комнаты, а потому закрыл их; пальцы сжались на подлокотниках, ногти впились в жесткую ткань обивки.

Срочно. Он должен срочно найти выход. Теперь он видел, что происходит, и это повергло его в шок, равно как и факт, что времени осталось так мало.

* * *

— Я видел его — это облако. Видел, Джон.

— Насколько все серьезно?

Заместитель ютился в дальнем углу и почему-то стоял в неудобной позе — о причине Дрейк догадался не сразу, только спустя несколько секунд — фон, конечно же, его фон, сделавшийся нестерпимым после посещения комнаты-генератора.

— Сильно влияю?

— Сильно. — Сиблинг не стал врать. — Меня тошнит, чего давно не было.

— Прости.

Начальник, казалось, постарел — не кожей, глазами.

— Что это за облако?

— Оно рушит нашу защиту — проникает в нее, вгрызается в материю, изменяет ее свойства. Пока это происходит только на верхних слоях, отсюда и изменения климата, но, боюсь, скоро «оно» проникнет глубже, и тогда начнутся проблемы серьезнее. Куда серьезнее. Все плохо, Джон. Я опасаясь думать о том, что оно сделает с людьми, их телами, памятью.

Сиблинга затошнило сильнее, но он привычно вызвал экран, на котором собрался делать заметки и ровно спросил: «Что будем делать? Какие указания?», и заиндевел изнутри, когда услышал от Начальника то, чего не слышал еще ни разу в жизни — фразу — «Я не знаю».

* * *

— Ты испарился с самого утра, я даже не успела тебя обнять, а потом целый день не могла отыскать в Реакторе.

— Прости, Ди. Я был очень занят.

— Проблемы?

— Да.

Дрейк смотрел на травинку, которую держал в пальцах — смотрел с такой любовью и нежностью, что ей становилось страшно. Что происходит? Откуда этот взгляд, будто сидящий рядом человек, прощается со всем сущим — любуется пылинками и былинками, касается растений, смотрит на то, как ветер покачивает полынь.

Кажется, они никогда вот так не сидели в парке — на лавочке, на теплых досках, под ласковыми лучами заходящего солнца.

Снег растаял сразу после обеда, температура вновь выросла до привычных двадцати двух градусов. Как ни в чем не бывало смотрели в небо стебли одуванчиков, касались друг друга листьями, вынашивали созревающие в коробочках семена.

— Это как-то связано с погодой?

— Да.

Как коротко и неясно.

— Все сложнее, чем кажется?

Дрейк промолчал, но ответ был очевиден — он завис в воздухе. Сложно, все не просто сложно, все... плохо. Иначе бы не молчал рядом мужчина, который, находясь на улице, кажется, даже не заметил, что не сменил серебристую форму на штатскую одежду. Хорошо, что рядом не было прохожих.

Бернарда привыкла, что могла касаться теплой руки в любое время, и теперь страдала от того, что временно лишилась этой возможности — от Дрейка фонило, как от незащищенного ядерного реактора. Где он был? Что делал?

— Тебе придется спать одной, не обижайся. — Он будто прочитал ее мысли, и она нехотя кивнула — уже поняла, что этой ночью вновь будет обнимать матрас. — Я сейчас в том состоянии, когда меня лучше не трогать.

Но ведь все будет хорошо? — Хотелось спросить ей. Будет?

И неизвестно, каков бы был ответ.

— Переночуй у Клэр, ладно?

— Ладно.

Наверное, и ему бывало тяжело — всемогущему человеку, способному на все или практически на все. Он редко унывал, редко пребывал в апатии и уж точно никогда так подолгу не молчал.

И тогда, вместо того, чтобы задавать вопросы, Дина наклонилась и прижалась щекой к знакомому плечу — плевать, что от подобной близости накатывала тошнота и становилось физически тяжело.

— Все будет хорошо. — Прошептала она закатному солнцу, Дрейку и себе самой. — Что бы там ни было, мы справимся.

Он кивнул — так ей показалось. А если кивнул, значит, шанс есть.

Погода, сложности, мировые проблемы — что бы ни стояло в первой графе на повестке дня, Дрейк справится. Всегда справлялся.

* * *

Архан. Город Руур.

— Уходишь от ответа? Отводишь глаза? Да кто ты такая, чтобы строить из себя гордую неприступную статую, сутра? Служанка! Я предлагаю тебе жизнь — ЖИЗНЬ — вместо вонючей клетки, пышные одеяла вместо соломенной подстилки, свободу в обмен на посильную помощь. Посильную!

Он называл «посильным» то, что было ей не по силам — предать. Предать учение Кима, предать ее понимание «человечности», предать собственные принципы и начать заниматься тем, за что ее Дар Старшие либо отберут через сутки, либо навсегда лишат душу возможности перерождения, а для Тайры не существовало наказания хуже.

Он предлагал заглядывать в будущее и менять судьбы людей, предлагал изощренно карать тех, кого считал виновным и лечить тех, на кого укажет Правитель, а не тех, на чье лечение есть разрешение Господа. А если вмешаться в чью-то судьбу без Его разрешения, то навсегда возьмешь на себя все грехи и ответственность за чужую жизнь, превратив собственную в кошмар. Даже лекари, по словам Кимайрана, не осознавали того, что погружая руки в чужую плоть и помогая изгнать болезнь, тем самым навлекали на свою карму черный след, что впоследствии поведет их душу не вверх по спирали Синтары, а загонит ее на извечный круг.

Тогда являлась ли такая помощь «посильной»?

Для колдуна да, для Тайры нет.

Вчера Брамхи-Джава разложил перед ней перевернутые изображениями вниз карточки и приказал прочесть то, что находилось на скрытой от глаз стороне. Давай, мол, смотри насквозь, ты же умеешь!

Да, она умела — Ким научил. Еще тогда, в комнате с окном и камином, старый учитель часто раскладывал на полу неровные кусочки бумаги с начерченными на них угольком словами или знаками и терпеливо пояснял:

— Попробуй увидеть изнанку — прощупать ее, почувствовать. Символ или рисунок сам

проявится в твоём воображении, как только ты настроишься на предмет. Если же метод не работает, делай следующее: представляй, как твоя рука берет кусочек бумажки, переворачивает его, а глаза смотрят на изображение, и ты его увидишь, Тайра, увидишь. Это дело практики и твоего усердия, которые требуются для любого дела.

Да, она видела изображения на разложенных на столе колдуном карточках, на всех четырех: на одной — символ солнца, на другой — крест Правителя, на третьей — ленту богатства, на четвертой — просто квадрат — квадрат, и ничего более, но никогда бы не призналась об этом вслух.

Одно неверное слово, и ты навсегда раб — раб своей гордыни, жадности и желания быть значимым в глазах других людей.

Нет, она значима уже хотя бы потому, что сохранила человечность, а судя по ее наблюдениям, немногие смогли сделать это.

Но карточки были вчера, и Тайра надеялась, что у нее в запасе вновь четыре «свободных» дня в «загоне», как было до вчерашнего допроса, но ошиблась — колдуна будто укусила пустынная муха. Он расхаживал по полутемному залу, сжимал плотные кулаки и исходил злобой; вился следом по прохладному полу длинный подол расшитой золотом туру, зеркальным эхом отражался от стен глубокий и недобрый голос.

— Думала, сумеешь все скрыть, притворившись немой? Не выдать способности? А ведь мы давно наблюдаем, давно, и ты раскололась-таки, как пересохшая глиняная чаша.

Раскололась? Выдала себя? Когда и где? Как? Неужели кто-то следил за ней по ночам, но ведь взгляда извне не ощущалось в клетке?

Обычно любившая редкие минуты в прохладе, Тайра заиндевела — неприятно замерзла в позвоночнике. Они не могли ничего узнать, колдун брешет, не могли...

— Подружка-то твоя выдала тебя! Мы поговорили с ней, знаешь, хорошо поговорили — по душам, и она рассказала о том, что ты предсказала про воскрешение наложницы из Сладкого Дома, той, что ударила голову — про ее скорый выход из полумертвого состояния...

Сари?! Нет, только не это! Они допрашивали Сари — били ее, пытали? Опаивали? Или просто предложили денег?

В последнее Тайре хотелось верить так же мало, как жевать смешанный песок с глиной. Нет, по своей воле она ни за что не поверит, никогда не подумает на подругу плохо.

Но факт оставался фактом — Брамхи-Джава нашел подтверждение того, что так долго и целенаправленно искал — Тайра могла «видеть».

Боже помоги ей теперь. Спаси от мук и жестоких сердец, спаси от алчущих ртов, защити от забывших доброе умов.

— Видишь, значит! Можешь! А передо мной сидишь невинной козявкой. Да ты на глаза-то свои посмотри, сутра! Одни глаза же тебя выдают!..

— Я просто предположила! — Она впервые за все это время подала голос, попыталась защититься. — Про ту девушку, я просто предположила, хотела утешить Сари...

— Ты меня за одногорба не держи! Думаешь, не способен я внутри центр силы твоей различить? Думаешь, вообще идиот? Ну, так я тебе скажу, полянка хромоногая, а ты послушаешь меня и намотаешь на ус. Я уже отправил людей за верховным Уду! Он придет и сотворит с тобой то, что делал со многими подобными тебе — проведет невидимый жгут к твоим внутренностям и начнет откачивать энергию. — Колдун, напоминая кружащего вокруг добычи стервятника, совершил вокруг Тайры еще один круг. Остановился, зло и довольно рассмеялся. — Да-да, он заберет ее всю, каждый день будет сцеживать с тебя силу, как с

загонных кархуз сжеживают молоко, а ты — ты превратишься в овощ! В безвольный, неспособный ни шевелиться, ни думать, мешок! И уже скоро, это произойдет совсем скоро... Три дня у тебя. Три дня, сутра.

Уду?

Это слово сковало внутренности. О способностях черного жреца знали все — тот умел обращать свет в тьму, а чужую силу пускать на пользу для своих целей — плохих целей, недостойных. Пил, как пьют песчаные кровососы, энергию из других и творил с помощью нее. Неужели ей предстоит та же участь?

Ненавистный зал похолодел еще на несколько градусов.

Ким, она не хочет себе такой судьбы. Ким... Где же ты?..

— А я пытался по-хорошему, да? Пытался. Говорил, что получишь много. Согласись ты, и я бы тоже получил сундук с золотишком, ну да ладно! Артачишься, так и я на сделки больше не пойду.

Брамхи-Джава шагнул к Тайре и наклонился прямо к ее лицу; от его кожи пахло гниением — так ей показалось; блеснули в полумраке черные глаза.

— Три дня я буду учить тебя уму-разуму, но помереть не дам, не надейся. Если передумаешь, произнесешь охранникам мое имя. А если нет...

Если нет, ты овощ — не человек, не женщина, никто — дойная кархуза, поняла?

Она поняла его без слов.

Как поняла и то, что без чужой помощи не сможет подняться на враз ослабевших ногах.

Ее больше не пускали в «загон».

Вместо этого — утром, днем и вечером — били. Молча, жестоко, умело.

Всего за одни сутки кожа Тайры покрылась синяками — от подошв жесткой обуви болели ребра, от ударов затылком о стену ныла голова, резко и быстро садилось зрение. Распухшие губы, выкрученные руки, саднящие ладони — впервые, раскаленная площадка с начертанными на ней квадратами, казалась ей спасительным местом — там хотя бы не трогали, не у всех на глазах...

В первую ночь, извиваясь на соломе от боли, Тайра просила Кима вернуться, дать ей знак, научить, как быть дальше. Спрашивала, за что она получила такую судьбу — в качестве какого урока?

Ким не приходил — ни наяву, ни в коротких моментах забвения.

Учитель просто ушел. Ушел.

Во вторую ночь после полученных травм и, зная, что сил не хватит для того, чтобы восстановить и малую часть из них — Тайру не поили и не кормили — она обреченно пребывала в состоянии апатии, касалась разбитых суставов, на которые наступали чужие ноги, и думала о Сари. Ей казалось, что подруга извиняется, за что-то извиняется.

Это все не важно.

Тайра больше никогда не увидит ее, никого не увидит. Она не успела купить собственный дом и растение в горшочке, не успела побывать в местах, где растет трава, не успела научиться чему-то важному, так и не познала мужчину...

Почему она не сделала иного выбора? Зачем вообще встретила Кима? Ведь могла бы когда-то отдаться Раджу и утопать в довольстве и комфорте. Пусть не душевном, но физическом.

Она могла бы пойти работать в иное место — пройти мимо белокаменного особняка с

глиняной у двери табличкой, могла устроиться торговкой — путешествовать через пустыню в дальние страны. Да, конечно, по ночам бы пришлось ублажать погонщиков караванов, но она все равно бы увидела больше, чем теперь. Теперь она уже ничего не увидит. Потому что на третью ночь, после того, как ее вновь пинали по ребрам, голове, лицу и конечностям, Тайра решила умереть.

Решение это далось легко, почти без боли.

Она не будет овощем, не будет служить ни злему колдуну, ни его правителю, не будет плевать в лицо тем, кто подарил ей «видение», лучше скажет им напоследок «спасибо», так уж она устроена.

Где-то там, за пределами тесной клетки, наверное, догорал закат. Медленно уплывало к горизонту белое, раскаленное солнце, обдувал заключенных жаркий и сухой ветер.

А еще дальше, если подняться выше — над всем этим, над крышами и сводами Руура, простирается до самого горизонта необъятный небосвод и просторы бескрайней пустыни, за которой лежит покрытый травой Оасус — далекий белый город с богатыми людьми, мраморными дорогами и золотыми куполами дворца Правителя.

Оттуда уже едет Уду. И к утру он будет в Рууре.

Как никогда сильно, Тайре захотелось вдруг увидеть напоследок бедную улицу, на которой она росла. Обнять родителей, которых почти не помнила, прижаться к ним, вдохнуть запах материнских рук и, возможно, спросить, зачем они оставили ее, зачем согласились отдать?

Хотя, может, ее родители давно мертвы? Или наоборот, живут в счастье и довольстве — ей не узнать. Сил смотреть нет, да и пытаться незачем.

Уже недолго ей лежать на соломенной подстилке, изнывая от боли. Недолго смотреть на земляной свод и упираться ногами в решетку. Недолго терпеть побои, унижения, страх.

Ким никогда не учил тому, как призывать Жнеца — он был резко против преждевременных обращений к Смерти — считал, что та может согласиться забрать с собой неспособных справиться с хандрой глупцов, по незнанию позвавших ее, но Тайра сможет сделать это.

Ей придется.

Потому что у нее в запасе единственная ночь, когда ее сознание еще способно мыслить, и каким бы сложным ни оказался процесс вызова существа из Нижнего мира, она сможет выполнить его.

И да простит ее за это старый учитель.

Она проснулась глубокой ночью и вздрогнула. Со стоном перекатилась со спины на бок, попробовала подняться, сесть, но не смогла — ослабли руки.

Зачем она позволила себе провалиться в беспамятство, когда время на исходе? А что, если за пределами пещер уже начало всходить солнце, и над Рууром занялся невидимый отсюда рассвет, а Уду приедет раньше намеченного срока?

В клетке еще темно, но минуты утекают — Тайра не должна дожить до утра, не должна увидеть его.

Несмотря на боль в груди и затрудненное дыхание, она собралась с силами и навалилась на ватные ладони — села, привалилась спиной к стене, кое-как вытянула перед собой ноги. Попробовала собрать воедино разбежавшиеся мысли, сосредоточиться.

Как же надоело немощное тело — прежде такое красивое. Теперь оно являлось обузой,

сковывающим свободу тесным саваном, мешком с ослабшими и изнуренными внутренностями, которые она сама — своими решениями — довела до такого состояния.

Пора с этим покончить.

Достаточно.

Едва соображая, что делает — лишь зная, что отыщет путь в Нижний мир, чего бы это ни стоило, — Тайра позволила сознанию скользнуть за черту.

Ниже, ниже, в темноту, во мрак, где нет живых, есть только мертвые — туда, где правит хозяйка ушедших.

— Я ищу тебя, Жнец... Я призываю тебя. Услышь...

Хриплый шепот шелестел слабее самого слабого ветерка.

Разум тонул в пучине, в беспроглядной черноте; телу стало прохладно.

— Смерть, приди за мной. Забери, я зову...

Как долго тянется этот колодец? Когда же будет его дно? И почему с каждой секундой все холоднее?

— Я готова уйти. Забери меня, я готова.

Сама не разбирая того, что шепчет, и следуя за единственным светлым пятном — собственным разумом — во мрак, Тайра постепенно слабела — голова ее склонялась на бок, веки закрывались, ступни леденели.

— Жнец! Где же ты, Жнец? — на этот раз ее необычно мощный голос раздался не в камере, но в собственной голове и разнесся по всему темному пределу — прозвучал в каждом отдаленном его уголке. — Я слабею. Приходи, забирай! У меня мало времени...

Истратив последние силы на немой крик, который, она надеялась, кто-то услышал, пленница потеряла сознание — свесилась на бок, склонилась, затем и вовсе соскользнула на солону.

Она не увидела того, как прямо перед ней на каменном полу, у самых ступней, начала закручиваться тугая спираль.

* * *

— Душу? Ты хочешь мою душу? Но почему?

— Потому что такова цена за исполнение любого желания.

— Но я не просила желаний, я просила о смерти!

— Смерть тоже есть желание, разве нет?

Тайра смотрела на то, что стояло посреди ее камеры, и не могла поверить в случившееся — она призвала не того. Не Жнеца, как намеревалась, но, по-видимому, хинни или же муара^[6]. И если первый исполнял волю человека в долг и приходил за расплатой спустя оговоренное время, то второй всегда просил отдать ему душу.

Душу. Единственное в жизни, за что держалась Тайра, единственное, что она никогда не порочила и единственное, что гарантировало ей продолжение Пути.

Плотная клубящаяся масса — настолько черная, что выделялась даже на фоне черноты камеры — ждала ответа. Похожий на человеческий силуэт без лица и глаз, шелестящий неживой голос, полное отсутствие энергии жизни внутри — сплошной мрак. Тень распространяла вокруг себя холод и странную давящую атмосферу, проникающую в вены, в сердце, даже в камни; тело пленницы трясло, ее ступни заледенели.

Ей должно быть страшно — от гостя пахло сырой землей, отсутствием времени и чем-то еще, — но Тайру настолько сокрушила совершенная ошибка, что она позабыла про страх. Да и сил на него не было, равно как и на другие эмоции.

Из всех доступных ей в этот момент чувств, осталась лишь горечь — едкая, всепоглощающая горечь и разочарование на судьбу.

Она неудачница. Нет, не неудачница — она проклята. С самого начала. Желто-зелеными глазами, отдавшими ее из дома родителями, пансионом и отсутствием дружбы, плохой работой, Раджем Кахумом и даже Кимом. Она проклята плохой линией судьбы, которую не в силах изменить.

Именно так. И если бы сейчас перед ее глазами неожиданно возник старый учитель, Тайра впервые в жизни выкрикнула бы ему в лицо, что он не прав — человек не может и не должен принимать все, что ему дается — зачем, чтобы учиться? Так чему научила ее тюрьма — многому? Чему научились ее волдыри и побои — терпению? Что дали ей бесконечные допросы колдуна и собственное упорство — блага? А чему научит приезд ненавистного Уду — уж не осознанию ли, что Тайра ошиблась так давно, что сама не помнит об этом?

Она платит. За что-то выплачивает долги — за собственные грехи? За родню? За прежние воплощения?

Ей нужно было помереть раньше, желательно при рождении. Чтобы не терзаться после неверным выбором, светлыми стремлениями и послушанием Кимайрану. Был он прав или не был — какая теперь разница? Всю жизнь Тайра стремилась лишь к одному — не запятнать ту самую душу, которую не могла увидеть глазами — сохранить ее кристально чистой, яркой, светлой, и что в итоге? Много ли это дало? Стоящего теперь в камере не Жнеца — муара?

— Каков будет твой ответ, человек? — Тень устала ждать — здесь, в мире живых, ей было тяжело — требовалось много сил, чтобы оставаться видимой и говорить.

— Ответ на вопрос, отдам ли я за желание душу?

Пропитанные горечью слова разъедали спертый воздух. От холода мутилось сознание — хотелось покоя, просто покоя, но от нее опять требовалось решение.

— Отдай я душу, и круг Синтары завершится для меня. Так?

Муар не стал лгать.

— Да.

— Так что же я получу взамен?

— Желание.

— У меня нет желаний, разве ты не слышишь? Я просто хочу уйти отсюда, уйти насовсем.

Похожая на мужской силуэт тень смещалась то чуть левее, то чуть правее — Тайре не хотелось на нее смотреть — страшно. Один лишь взгляд на гостя, и ее утягивало куда-то вниз, под землю.

— Сделка. — Такой шепот не мог принадлежать живому — бестелесный, почти беззвучный, тягучий. — Я заберу тебя отсюда на свободу и подарю десять лет жизни.

— Мне не...

— Десять лет — обязательное условие.

Десять лет без души? Он (оно) всерьез считает это подарком? Абсурд, какой абсурд...

Жнец бы просто забрал ее — перевел через черту, оставив Божью искру нетронутой. Да, умирать неприятно, но за Жнецом Тайра шагнула бы, не задумываясь, потому что знала бы — она получит новую жизнь. Пусть не в этом мире — в другом, и, может, не в качестве

женщины, но получит вновь. Теперь же она лишилась этой возможности.

Тень сообщила, что Жнецы не обитают в Нижнем Мире, куда она — человек, распространила глас, и, значит, всему конец. Потому что Тайра больше не знает, куда направить мольбу, чтобы призвать Смерть и потому что не имеет на это сил.

«Почему ты обманул меня, Ким? Сказал, что выбор есть всегда, но его нет...»

Муар или Уду — это и есть ее выбор — выбор проклятой от рождения женщины, к которому она подошла в возрасте двадцати трех лет? Молодая, не познавшая ни любви, ни радости, не успевшая ни пожить, ни подышать — женщина, которая так и не получила фамилии...

— Я не хочу умирать... Нет, нет... не вот так.

Ей вдруг стало жаль себя.

Неужели даже в самом конце для нее не найдется немного света? Пусть даже совсем чуть-чуть. Искорки, теплой руки, утешающих слов, знания о том, что после всей это боли ее путь не прервется — проляжет дальше. По зеленой траве...

К дрожи от холода прибавилась другая, нервная — впервые за последние четверо суток по щеке Тайры скатилась одинокая горячая слезинка.

За смертью должна следовать жизнь. Смерть, жизнь, смерть, жизнь... круг должен продолжаться, иначе незачем... Иначе все было впустую.

— Не могу, не могу... не могу...

Получившая, наконец, ответ, дрожащая тень начала медленно таять.

Там, снаружи, занимался рассвет, а у стены в камере сидела забывшая, как выглядит солнечный свет пленница, потрескавшиеся губы которой, даже после того, как муар исчез, продолжали шептать «не могу... не могу... не могу...»

С ужасом наблюдали за тем, как сквозь прутья решетки утекает в светлеющий коридор ночной мрак, широко распахнутые, немигающие глаза; скребли по одному и тому же месту заиндевшие от холода скрюченные пальцы.

После изматывающей ночи, после того, как истратила последние силы на призыв и все это время в ожидании шороха подошв охранников так и не смогла уснуть, Тайра не чувствовала собственного тела. Ни рук, ни ног, ни эмоций.

Она продолжала лежать на земле без движения и тогда, когда слышались голоса, но не охранников, а колдуна. В сопровождении Уду.

— Вот она. Заключение, про которую я говорил.

Шуршал по пыльной земле расшитый золотом длинный подол туру.

— Уверены ли вы, милейший, что она — та самая?

— Посмотрите сами. Вы же понимаете, что я не стал бы вызывать вас из дворца по пустякам?

— Я надеюсь. Путь из Оасуса был долгим, и я надеюсь не пожалеть, что проделал его.

— Не пожалеете, уверяю вас...

— Не тратьте слова — дайте на нее взглянуть.

Голос незнакомого ей человека скреб по сознанию железной пятерней, и он — этот голос — приближался. А спустя минуту Тайра ощутила и взгляд — тот моментально пробрался под кожу и, несмотря на отсутствие в теле сил, заставил вздрогнуть и застонать.

Больно... Пустите... Сухие губы зашевелились, но не издали ни звука. Пустите!

Внутренности скрутило; чужие глаза рассматривали ее изнутри, словно голую —

щупали, ползали по коже и под ней, касались сердца, разума, пытались пробраться в те слои, которых она никому и никогда не позволяла касаться.

Проклятый Уду... Больно! Уходи... Уходи, черная душа, не смей смотреть внутрь...

Спустя несколько секунд нестерпимого ощущения потрошения со стороны решетки послышалось довольное мычание.

— Хороша-а-а... Какой источник, какая сила...

— Я же говорил! — Залепетали рядом. — Я знал, что вам понравится.

— Вот только вы довели ее до крайности — какой прок от полумертвого тела? Она едва дышит.

— Я все исправлю! Сейчас же прикажу принести ей воды и накормить. К моменту путешествия она будет полностью готова, обещаю!

Ненавистный взгляд, который, было, отпустил, вернулся вновь — Тайра захрипела от боли, принялась елозить по полу и начала задыхаться.

— Великолепно... — Бубнил кто-то сбоку. — Чудесно. Она мне нравится. Такую можно долго использовать. Годами.

— Правитель будет доволен, смею полагать? Ведь правитель ценит, когда...

— Ценит. — Жестко прервали Брамхи-Джаву. — И не оставит вас без награды, будьте уверены.

— Мне только в радость — в радость служить Великому...

— Все! — Раздался хлопок в ладоши; терзающий взгляд исчез. — Я все увидел и готов путешествовать назад, но сначала хотел бы отдохнуть. Приготовьте мне лучшие покои и сытную трапезу — хотелось бы несколько часов вздремнуть.

— Конечно, все будет сделано в лучшем виде.

— Накормите и моих людей — пусть перед отправлением осмотрят картан^[7].

— Непременно прослежу за этим.

У решетки притихли. Затем низкий, приглушенный голос, слова которого Тайра то ли от слабости, то ли от боли едва могла разобрать, раздался вновь.

— Она станет прекрасным источником. Возможно, центральным. Запущу в Оасус красноклюва с вестью о том, чтобы подготовили место в подвале и разложили ингредиенты для ритуала. У вас ведь есть красноклюв?

— Конечно. Три птицы для особых случаев всегда содержатся в верхней башне.

— Хорошо. Тогда я готов к приему пищи. Заодно расскажете мне, что творится в Рууре — мы не так часто получаем вести из столь отдаленного города. У вас жарко, я заметил. Всегда так жарко? И так мало мрамора на земле — только отсыпанные песком и землей дороги...

Голоса начали отдаляться. Все тише становились звуки шагов, вовсе неслышным сделался шорох по земле туру; сковывающий внутренности невидимый взгляд, наконец, отпустил.

Тайру оставили одну.

Во Вселенной много искр — миллионы, миллиарды — бессчетное количество. Они вспыхивают и гаснут вновь, чтобы зажечься где-то еще. Когда-то. Одни звезды гаснут, другие рождаются — энергия перетекает, меняет свойства, а кто-то бесконечно далекий и невидимый для глаз следит за этим процессом.

Так же и люди: одни рождаются для того, чтобы прожить счастливую жизнь, другие —

для страданий, а кто-то рождается для того, чтобы умереть насовсем. Наверное, колесо Синтары не может дать путь вверх каждой душе — количество мест ограничено и предназначено лишь для лучших — а тем, кто остался вне пределов его лопастей предстоит вечно тонуть во мраке без надежды засиять вновь.

Грустно. Но, наверное, это нормально.

Те руки, что прежде избивали и причиняли боль, теперь придерживали ее спину в вертикальном положении — открывали рот, пытались влить туда воду, положить на распухший язык раскрошенный хлеб и заставить прожевать его. Еда вываливалась на подол, Тайра не чувствовала вкуса.

Наверное, это гордыня — заключенная в желании жить человеческая гордыня. Идти, учиться, переродиться, приближаться к Богу, существовать вечно, но в этом ли на самом деле заключен смысл?

Люди боятся смерти, рвутся от нее прочь, люди страшатся темноты. Но что плохого в том, чтобы навсегда погаснуть?

И не в смирении ли смысл?

Кажется, Тайра забыла обо всем, чему когда-то учил Ким.

Будь сильной, будь стойкой, извлекай опыт и оставайся чиста помыслами — разве она не следовала всем этим заветам? Разве не старалась сохранить душу неприкосновенной и никогда не использовать дар во вред?

А теперь его используют за нее.

Привяжут в далеком подземелье, опоят дурманной травой и начнут высасывать силы — минута за минутой, час за часом, день за днем без перерыва на еду и сон. Она не сможет сбежать, потому что на себя не останется сил, и она едва ли сохранит способность связно мыслить. Весь ее драгоценный дар направят на служение Правителю — на его нужды, а за невидимые нити, тянущиеся к ее телу и органам, будет дергать довольный и ухмыляющийся Уду...

Лучше погаснуть.

Ну и что с того, что некоторые звезды не зажигаются вновь? Это жизнь. А смерть есть ее продолжение.

Сидя в окружении сквернословящих охранников, измучившихся в попытках накормить пленницу, с подбородком, по которому стекала не попавшая в горло вода, Тайра приняла решение: она соберется с силами и вызовет муара вновь.

И согласится на сделку.

Она звала его до хрипоты в пересохших связках, до черноты перед глазами и до навалившегося на сердце удушливым покрывалом отчаяния, а когда увидела, как на полу у ступней начала заворачиваться по спирали знакомая тень, едва не разрыдалась от облегчения. Хотя разрыдалась бы Тайра лишь эмоционально — тело не сумело бы выдавить из себя ни капли влаги. Наверное, никогда уже не сумеет.

— Ты пришел... Хорошо. Услышал...

Вместе с появлением муара в клетку вернулся и холод; Тайра восприняла его благодатью — уже скоро. Совсем скоро.

Закончив формироваться, тень взглянула на нее черными неблестящими глазами; вокруг головы и конечностей продолжал клубиться туман.

— Я готова на сделку, слышишь? Я согласна.

Муар говорил, не открывая рта.

— Готова отдать душу за желание?

Шелестящий шепот прошелся по внутренностям касанием пересохших веток и напомнил недавно услышанный царапающий голос — живот тут же свело от страха. Нет, тот голос был хуже. Туда ей совсем не хочется — только не к Уду.

— Да.

— Я слушаю тебя, человек. Говори.

Тайра собралась с силами и глубоко втянула воздух, замерла. Сейчас она произнесет свои последние слова. Последние. Нет, не надо медлить, будет только хуже.

Прутья решетки, сочащийся из дальнего конца коридора дневной свет — яркий, теплый. Ее взгляд окунулся в него, желая впитать.

— Мое желание — умереть. Я отдаю тебе душу за то, чтобы ты подарил мне смерть — быструю смерть, мгновенную. Ты сможешь это исполнить?

— Да.

Хорошо. На смену волнению пришло зыбкое облегчение; но верно ли понял муар?

— Не через десять лет? Я не хочу... не смогу прожить десять лет без души.

— Твое желание — закон.

После этих слов серые отсыревшие стены тюрьмы почти перестали давить — это не ее дом, уже скоро она уйдет отсюда; взгляд зеленых глаз оторвался, наконец, от ведущих к выходу ступеней.

— И... Прежде, чем я умру, заberi меня отсюда. Куда угодно.

Пусть Брамхи-Джава так и не увидит, что смог сломить ее. И ни к чему, чтобы над ее бездыханным телом глумились охранники — пинали его, таскали, рыли для него яму. Тайре не хотелось вечно покоиться на территории тюрьмы или сразу за ее пределами. Даже мертвой слышать стоны и предсмертные крики мучающихся на солнцепеке заключенных.

— Забирай. Давай, приступай. Я больше не хочу здесь сидеть...

Слишком долго болели обожженные руки и потрескавшиеся ступни, слишком сильно надоели не проходящие от волдырей на ногах язвы, и она слишком устала смотреть на то, что осталось от молодого красивого тела — когда-то оно было ей родным, но теперь стало чужим и тяжелым, непригодным для того, чтобы далее находиться в нем.

— Забирай.

Когда муар шагнул навстречу, Тайра, несмотря на мысленную готовность, вздрогнула — интуитивно вжалась в стену.

— Не делай мне больно... я устала.

Вместо слов тот протянул клубящуюся тьмой конечность вперед и застыл в ожидании.

«Берись» — приказывали неспособные отражать свет глаза. Берись. Сейчас.

Когда в конце коридора дневной свет раздробили чьи-то тени, а на ступенях послышались шаги, Тайра протянула вперед дрожащую руку и коснулась мрака.

Ее несло сквозь тоннель: вниз-вниз-вниз, — а за руку держала мгла. Холод, страх и немой крик «Пожалуйста, не-е-ет, не хочу!» Только поздно — она согласилась, подписала невидимый договор, и тоннель все продолжался — тянулся до бесконечности.

Скорее бы...

Все закончилось неожиданно, когда ее тело (у нее все еще было тело?) ударилось о землю. Ноги мгновенно подкосились, затылок стукнулся о что-то жесткое, и Тайра на

мгновенье вновь нырнула во мрак.

Боги... Она ведь просила быстро, просила без боли.

Спустя несколько секунд сознание вернулось — сначала мотнулось, как разбитая внезапно упавшим с неба камнем поверхность пруда, но тут же выровнялось — вхлынуло обратно в голову мыслями, воспоминаниями и эмоциями, затопило собой образовавшуюся, было, пустоту, и заставило схваченное спазмом горло закашляться.

Где она? Создатель спаси и сохрани... где она теперь?

— Я забрал ее душу по праву! — Грохотал рядом чей-то голос. — И заберу ее саму — Договор подписан!

Что?... Что происходит?

Тайра открыла глаза и попыталась сесть — по непонятной причине, о чудо, тело подчинилось сразу же и без боли; ладони уперлись в прохладную пыльную поверхность. Посреди серой дымки, распластавшийся над землей повсюду, насколько хватало глаз, взгляд отыскивал находящегося неподалеку муара — тот смотрел в небо, а на дымящееся чернотой лицо ему падал сверху белый яркий луч. Тень плавилась, перетекала и, неспособная уклониться от обжигающего света, негодовала.

— Я заберу ее! — В ответ тишина — тихий звон луча. Пауза. — Заберу! Она принадлежит мне по праву. Нет... Вы не посмеете... Аа-а-агрх!!!..

В самую последнюю секунду свет сделался настолько ярким, что обжег даже ее глаза, а затем внезапно пропал — окружение тут же поглотила равномерная мутноватая дымка.

Муар продолжал стоять неподалеку — обожженный, раскроенный почти надвое — тень, потерявшая форму; все еще ждущая боли в конечностях, Тайра поднялась с земли и бросилась к ней.

— Ты... — Она задыхалась, среди этого тумана едва могла дышать. — Ты обещал мне...

Пустые черные глаза взглянули на нее с такой злобой, что колени вновь ослабли.

— Ты обещал мне смерть! — От пережитого, Тайра потеряла способность связано думать — рехнулась, впала в истерику, в шок. — Ты обещал забрать мне оттуда и умертвить — ты не исполнил обещания!

— Я принял твою душу...

— А тело? У меня все еще есть тело, и я жива. Почему?!

— Потому что мне не позволили закончить начатое.

— Кто? Кто не позволил?! — Вокруг них клубился серый туман — он наслаивался слоями, перетекал, пугал ее. — Где я?!

— Это Криала.

— Криала?

Секундная тишина и шорох камешков под ногами. Ни звуков речи, ни ветра, ни запахов.

— Пространство между мирами — коридор.

— Что я здесь делаю?

— Ты здесь останешься.

— Что?!

Теперь от муара шли настолько ощутимые волны злости, что Тайра не удержалась, попятилась назад. Тень ее ненавидела. Тень была готова удушить ее, разорвать на части и похоронить. Если бы могла...

— Мне приказали дать тебе год.

— Но ты ведь уже забрал мою душу?

— Мне приказали ДАТЬ ТЕБЕ ГОД! — Вновь, не открывая рта, выкрикнула тень, и от того, насколько сильно задрожали внутренности, Тайра едва не лишилась сознания. — Ты умрешь через год. А пока останешься здесь.

— Но почему?

— Потому что таков был приказ Старших.

— Старших?

Она не понимала. Ничего не понимала. Ким не часто говорил о Старших, почти никогда, только упоминал о том, что это вознесшиеся в Верхний Мир сущности. Но при чем здесь Верхний Мир и его обитатели? Она продалась Нижнему, заключила договор, попросила о смерти...

— Нет, не уходи, не оставляй меня вот так... Нет!

Но муар уже начал таять. Его черные глаза еще несколько секунд взирали на нее с неприкрытой злобой, будто заявляя — это ты, это все ты! Знай я изначально, кто вступится за тебя, и никогда бы не откликнулся на зов — затем лоскуты мрака растворились полностью. Их всосала в себя до последнего плавающего клочка серая каменистая почва.

Спустя минуту (две, три, час?) Тайра все еще стояла на прежнем месте — ее сердце колотилось с бешеной скоростью, пальцы то и дело сжимались в кулаки, а разум, словно подвал с прорванной трубой, стремительно затапливала паника.

Она осталась одна. В незнакомом месте, в незнакомом мире — не мире даже, в прослойке между мирами — без еды, питья и понимания, что делать дальше. Осталась не просто одна — она осталась здесь проклятой и без души...

Нервы сдали, ноги тоже. Через мгновение Тайра повалилась на землю, закрыла лицо руками, поджала под себя колени и принялась тихо, почти неслышно скулить.

Нордейл. Уровень 14.

Дрейк смотрел на книгу, не отрываясь. Огненную, с пустыми, на первый взгляд, переливающимися страницами, парящую в ярком столбе льющегося сверху света. Ненастоящую, и, в то же время, реальную — не книгу даже, некий энергетический сгусток, представший его глазам в виде знакомого разуму объекта.

Где находится это место? Как определить?

Книга плавала в воздухе, шелестела воображаемыми страницами, звала его. Там — он знал, — на этих страницах есть ответ и для него, только бы прочесть.

Она возникла в его сознании спустя некоторое время после того, как он задал вопрос — отправил наверх мощный посыл-молитву Великому и единому Творцу всего сущего — Богу, существу, к которому позволял себе обращаться крайне редко. Дрейк почти никогда не тревожил Отца всех Отцов — не считал правильным отвлекать его по пустякам, но теперь, когда для мира Уровней настал критический момент — или жизнь, или смерть — не имел другого выбора.

И Отец ответил.

Книгой. Ее изображением. Подсказал, что где-то существует источник Знаний, готовый помочь, вот только как его найти?

Любые попытки определить местоположение книги неизменно заканчивались одним и тем же — Дрейк видел тени, много теней. Огромное пространство вокруг защищенной зоны, потонувшее в сероватой мгле и мраке — оно простиралось далеко, слишком далеко, чтобы быть частью одного из миров — необъятный участок, зона, не попадающая ни под одно определение.

Что это?

Время то вилось вокруг источника спиралями, то вовсе исчезало. Пространство выгибалось и растягивалось в бесконечность, стоило ему попытаться выйти за его пределы. Темные сгустки, когда он всматривался в них, пристально смотрели в ответ — они, как и он сам, пытались отыскать местоположение наблюдателя, вторгнувшегося в чужие владения.

Ответ не находился.

Дрейк злился. Иногда он терял контроль над эмоциями, свирепел, затем делал короткую передышку, успокаивал сознание и тогда вновь отправлялся на поиски.

* * *

— Он все еще там?

Бернарда, вопреки обыкновению, выглядела бледной, даже похудевшей.

— Да.

— Уже четвертые сутки, Джон. Он ни разу не выходил?

— Нет. Так и сидит. Медитирует.

Ей показалось, что последнее слово было произнесено с иронией. Или, может, со злостью. Не на Начальника, нет, но на творящийся вокруг, и продолжающийся с каждым днем

ухудшаться, погодный беспредел.

Заместитель оттолкнулся ладонями от стола, откатился в кресле назад и впервые за последние несколько часов посмотрел не в намозоливший глаза монитор, а в окно — на слепяще-белое небо. Небо, расплавившее на улицах асфальт, ударившее по термометрам так, что ртуть задохнулась и вылезла из колб наружу. Небо, превратившее город в сочащийся жаром ад.

— Сколько там?

Он кивнул на окно.

— Не знаю точно. Выше пятидесяти.

А как ты добралась, хотел спросить Сиблинг, но спустя секунду вспомнил — она же телепортер. Единственный человек, которому для того, чтобы попасть из одного места в другое, не требуется выходить на улицу. Потому что улица — это марево из раскаленного воздуха, где размякший гудрон липнет к подошвам, потому что туда вообще пока не нужно ходить.

А никто, собственно, и не ходил. Статистика показывала, что транспортная система встала еще вчера — автобусы перегревались и глохли, таксисты опасались выводить машины из гаража по причине того, что колеса тут же увязали в асфальте, жители не садились за руль по той же причине. Улицы опустели наголо. Упали продажи в продуктовых магазинах, снизились практически до нуля в торговых центрах и ресторанах — никому не хотелось получить ожоги из-за мимолетного желания разнообразить меню. Еда готовилась в домах, все большее количество людей отказывалось выходить на работу.

Если жара продержится еще сутки, инфраструктура встанет, и тогда города накроет куда более серьезный кризис, нежели они встречали до того.

Беда...

Джон оторвался от созерцания неба. Правый экран показывал двух молодых парней — дураков-энтузиастов, которые притащили с собой на раскаленную набережную зонты и теперь сидели под ними, глядя на поверхность озера, куда они поместили какие-то датчики. Наверное, термометры. Хотели увидеть, когда начнет закипать вода.

Идиоты... Отправить бы туда машину, вот только свободных людей нет, а проблем много, и проблем более серьезных, нежели тупое человеческое любопытство. Взять хотя бы вчерашний случай, когда десять человек одновременно потеряли память.

А ведь Дрейк говорил, предупреждал.

Джон впервые чувствовал себя так, будто стоит на палубе корабля, который вот-вот собирается затонуть. Вокруг не шторм, нет, не шквалистый ветер и холодные брызги, но расправленное под днищем болото, которое медленно затягивает все живое внутрь. И их мир прочно залип в него.

Скорее бы очнулся Начальник. Пусть бы он вышел из продолжительно сна с ответом — с готовым решением о том, что делать дальше.

Бернарда — потерявшийся в размышлениях Сиблинг и забыл про нее — будто прочитала его мысли.

— Скоро. Он скоро проснется. Я знаю, чувствую.

Он хотел ответить «хорошо бы», но не успел — в этот момент распахнулась дверь в кабинет.

На пороге, глядя прямо перед собой странным образом застывшими глазами, стоял тот, кого они все это время ждали. Бледный, осунувшийся и напряженный Дрейк.

Заместитель тут же поднялся с кресла, хотел поприветствовать вошедшего, но тот жестом остановил его. Повернулся в сторону встревоженной, прижавшей пальцы к щеке Бернарде, и коротко скомандовал.

— Принеси мне Смешариков.

— Ага. С-сейчас.

Из-за волнения она не сразу сумела сосредоточиться, и какое-то время стояла посреди кабинета с зажмуренными глазами, но спустя секунду взяла себя в руки, шумно выдохнула и... исчезла.

Дрейк повернулся к Сиблингу.

— Докладывай.

Тот на мгновение застыл, попытался собрать мысли воедино, а спустя мгновение невесело усмехнулся и покачал головой. Понял — докладывать придется до вечера.

— Начинать с сегодняшнего дня или с того, когда ты погрузился в поиски?

— А давно я погрузился в поиски? Сколько дней прошло?

Взгляд серо-зеленых глаз встретился с напряженным взглядом серо-голубых.

— Четыре, Дрейк. Четыре. А мы тут горим.

* * *

Спустя несколько минут Фурии вместе с корзиной были доставлены в Реактор. С напором оголодавшего ребенка Дина попыталась выпросить о том, что происходит — выпросить из рук взрослого конфету, но оба человека в серебристой форме отправили ее прочь.

— Потом, — заявил Дрейк.

— Позже, — отрывисто бросил Сиблинг.

Тьфу на них.

Теперь она стояла в тени крыльца и смотрела на то, как на клумбах от жары чахнут цветы и желтеет трава — растительность засыхала на глазах. Чтобы возродить угасающую жизнь, нужна вода — тонны воды, а на небе ни облачка. Местные жители больше не просили о дожде — боялись — да, жарко, но потопа, как тот, что случился несколько дней назад, они боялись еще больше.

Солнечный свет слепил глаза: он отражался от дорог, остановок и мусорных бачков, топил в себе крыши застывших у обочин машин, выжимал влагу из земли и деревьев. Слишком много солнечного света, и слишком он яркий и жесткий, чтобы двуногие и четвероногие обитатели чувствовали себя комфортно.

Душу скребла тоска. Она, вероятно, могла бы помочь — послушать, поучаствовать, высказать какую-нибудь идею... Хотя, Фурии, которых попросил Дрейк, куда более ценны в плане верных идей, нежели могла бы предложить ее голова.

Дина вздохнула.

В эти последние дни, когда Дрейк не ночевал дома, когда погода попеременно изводила всех то обилием влаги, то сотрясающими землю раскатами, то жарой, она постоянно чувствовала одиночество и тоску. От того, что не была способна помочь, что во имя ее же собственной безопасности была отстранена от тайн и от того, что была вынуждена наблюдать за тем, как ее любимый Нордейл неотвратимо накрывает беда.

Бездействие — это то, что она ненавидела больше всего.

Всегда можно что-то сделать, всегда.

Ладно, сейчас не время для разговоров — сейчас место собеседника напротив Дрейка заняли Фурии, но вечером она обо всем его спросит. Заставит рассказать, даже если этот рассказ будет страшно слушать.

Все кренится, все медленно рушится. Люди не ходят на работу, она прекратила посещать собственные занятия, потому что больше их некому вести, она слоняется без дела, как прогуливающий уроки школьник. Вот только школьникам лучше — они беззаботны...

Чтобы не чувствовать себя никчемной, Бернарда вытерла со лба пот и принялась представлять в голове кухню Элли. Наверное, та уже приготовила список продуктов, которые нужно достать в магазине.

В последние дни с поставкой еды для их компании занималась именно она — Дина. Собирала списки, «прыгала» по магазинам, возвращалась с пакетами обратно. Потому что если не «прыгать» днем, то придется ходить туда ночью, а ночью, как было вчера, позавчера и, как будет, сегодня, у дверей, состоящие из паникующих раздраженных людей, дерущихся за сахар, соль и воду, соберутся километровые очереди.

* * *

— Вы знаете ее? Знаете, что это?

Находясь в пустой затемненной комнате, он создал шар и поместил туда проекцию из памяти — полыхающую огненную книгу с пустыми страницами и луч, что держал неизвестную конструкцию наплаву.

— Знаете?

Они смотрели долго и молча — расположившиеся по полукругу Смешарики. Их золотые глаза, будто подсвеченные отблесками костра, отражали льющийся с полупрозрачных страниц свет.

За все это время Дрейк так и не понял, кто у них главный — Фурии никогда не выделяли лидера, жили общим на всех разумом — поэтому он ждал ответа от любого из них. Хотя бы от кого-нибудь.

— Аем. — Спустя какое-то время ответил шерстяной комок, чей мех отливал коричневым цветом. — Это Мис. Терия.

— Что?... Что это? — Его сердце, что случалось крайне редко, забилось быстро и гулко; нервы натянулись. Не то, чтобы Дрейк не верил в наличие у Фурий нужной информации, но шансы на это были столь малы, что он едва позволял себе надеяться. — Что такое Мис. Тария?

— Ми-и-и-исте-е-ерия. — Протяжно поправил другой. — Ига Тайн.

— Не понимаю... — Пальцы Дрейка сжались. — Не понимаю...

Может, стоило позволить Бернарде остаться? Она хорошо понимает их язык, могла бы перевести. Вот только ошибаться теперь нельзя — ни в едином звуке, ни в одной строке, совсем нигде.

— Дайте символ.

Над шерстяными существами, чуть поодаль от созданной им проекции золотой книги, возникла еще одна книга — маленькая, а в центре нее замысловатая спираль.

— И-и-ига. Тайн. — Важно заявили они хором.

— Книга Тайн? Это Книга Тайн?

— Да.

Рядом с крохотной книгой возникли еще три символа: Первоисточник, Творение и Бог.

— Оставленный Богом источник?

— Да. — Вновь повторил ближайший глазастик — на этот раз один.

— Точник Ания.

«Источник Знания».

Значит, Дрейк увидел верно! Всевышний указал ему на источник, в котором содержался ответ. И если отыскать его, то можно понять, как соорудить вокруг мира Уровней дополнительный щит — невероятно нужная теперь, бесценная информация.

Возбуждение нарастало. Над головами Смешариков продолжали вращаться символы Первоисточника и Бога.

— Она есть — эта книга? Существует на самом деле? — он был готов трясти каждого из них — тискать, давить, тормозить, хоть и знал, что это не поможет. Фурии сами решали, стоит ли делиться информацией и когда, и чтобы не выглядеть наглцом, который не приложил усилий, чтобы разузнать ответ, Дрейк добавил. — Я видел темное пространство вокруг нее — серый туман и тени. Только туда существует единственный вход, но я так и не понял, где он находится. Что это за изменяющееся место с неровно текущим временем? Оно тянется до бесконечности — ни конца, ни края. Где подобное может находиться?

Они смотрели на него ровно, будто ждали чего-то. Слушали.

Дрейк стиснул зубы.

— Если я попаду туда и отыщу вход, то смогу узнать, как поставить вокруг нашего мира дополнительную защиту.

Глазастики продолжали смотреть. То ли мысленно совещались, то ли просто рассматривали его — не разобрать.

— Это важно. — Появившаяся надежда начала таять — гаснуть в безветренную ночь угольком. — Скажите мне, где это?

Они молчали так долго, что он почти впал в безнадегу — прошел через все стадии разочарования и успел упрекнуть себя в том, что снова стал почти человеком, иначе, откуда к черту такие переживания?

А потом увидел, как один из них открыл маленький рот.

— Кри-ала. — Выпало наружу единственное слово, а над ним тут же вспыхнули символы: Путь, Коридор, Мертвый.

Дрейк всматривался в них так пристально, что заболели глаза, в то время как мозг выдавал тысячи комбинаций в секунду, в попытке найти правильную.

Коридор. Мертвый. Коридор мертвых... Путь...

Кри. Ала...

Криала... Ну, конечно! Как же он сразу не догадался!

— Дверь к книге расположена в коридоре между мирами? Криале?

Они синхронно кивнули.

— Выход... это оттуда существует единственный выход к книге. А тени... Ведь там находятся пересечения со многими мирами — тени их охраняют.

— Да. — Вновь открыл рот ближайший смешарик. Теперь его золотистые глаза смотрели крайне напряженно. — Но вым низя.

— Что?

Он снова не понял что-то важное, а когда увидел новые два символа, вращающиеся над головой, недоверчиво переспросил:

— Живым туда нельзя?

— Слушай. И мотли.

И над Фуриями, выстраиваясь в ряды, в воздухе поплыли сложные ежесекундно сменяющие друг друга символы.

* * *

Уровень: Война

— Командир! Командир, радары выходят из строя — что-то дает на них наводку. Прием.

— Слышу тебя, Риггинс. Все ли радары так себя ведут? Или же...

Из динамиков послышался треск и помехи; далекий голос командующего восьмым взводом пропал.

— Риггинс! Риггинс?

— Я здесь. Слышу вас, но обрывочно... язь выхо... строя...

Сидящий у пульта Дэйн поморщился, потер висок и нажал кнопку микрофона.

— Повтори, Риггинс, повтори сообщение. Я его не понял, прием.

— Мы не можем установить связь с ближайшим отря..., все... дары повреждены. Везде навод...

— Черт!

Эльконто стукнул широкой ладонью по краю стола и зло посмотрел на покрытый пластиковой решеткой приемник. Еще никогда в жизни на Войне не было проблем со связью — никогда. То был слишком критичный элемент, чтобы на нем экономить — Дрейк, помнится, говорил о том, что Комиссия установила сюда одну из лучших систем связи — ни изъянов, ни сбоев, ни помех.

Мда уж...

Ни сбоев, ни помех...

Рация трещала, не умолкая, непонятного происхождения шум поглотил голос. Столько лет все работало, а теперь вдруг сломалось — ну, что за жопа? Наверное, это как-то связано с погодой наверху, что-то там в последние дни не ладно.

Дэйн задумчиво потер небритый подбородок и, все еще держа глухой микрофон в руке, подумал об Ани — не взялась ли она выгуливать Барта? Тот в последнее время часто скулил у двери, просился на улицу, но проклятая жара всех доконала. Они договорились, что будут выводить его по ночам, но этот шерстяной манипулятор умел корчить такие умильные рожи, что кто знает — вдруг она поддалась? Дэйн оставил для нее в прихожей солнцезащитный крем, но не успел об этом сказать — увидела ли?...

— Командир, идет... — оживший на мгновение приемник пропустил в эфир два слова, но поглотил третье — самое важное.

— Что идет?

— Идет...

Шорох, треск, шорох, будто кто-то невидимый сыпал на радиоволну стеклянный песок.

— Б%!Ь!

Ну, разве можно так работать?

— ...огода... Что-то происходит с погодой...

— Погодой? А что там такое, черт его дери, с погодой?

Рация умерла окончательно, и сколько он ее не тряс, сколько ни матерился, вновь оживать не торопилась.

— Да едрись оно колотись! — в сердцах выплюнул главнокомандующий как раз в тот момент, когда в распахнутую дверь штаба вошел доктор.

— Эй, здоровяк, ты чего опять ругаешься? Печеньки закончились?

— Да печенек вагон — Ани мешок напекла. А вот рации не работают. Мне с утра докладывают про накрывшиеся тазом радары и проблемы со связью. И это притом, что мы годами их не имели. А последний вообще что-то попытался сказать про погоду.

— Про погоду?

— Да.

— У нас?

— Вот и я о том же. Погода на Войне стабильна — точнее, она здесь отсутствует.

Лагерфельд нахмурил рыжеватые брови, усмехнулся одним уголком рта и спросил.

— Может, сходим наружу? Мне тоже не помешало бы проветриться.

— Что, тоже печеньки закончились?

— Хуже.

И больше доктор ничего добавлять не стал.

Эльконто отложил рацию на пульт, провел пятерней по слипшемуся от пота ежику и поднялся со скрипучего кресла.

— Ну, пойдем, сходим наружу — посмотрим, что там с погодой.

— Да в рот мне ногу! Ты только посмотри...

После этой глубокомысленной фразы в течение минуты не было произнесено ни слова — оба мужчины, не отрываясь, смотрели на далекий горизонт — туда, где в низком набувшем небе формировался обширный, растянувшийся насколько хватало глаз, грозовой фронт. Клубились воронками тучи, в их центре то и дело вспыхивали молнии, текучее месиво напоминало один большой фингал — подбитый кулаком небосвод.

— Глазам своим не верю!

Судя по всему, формировалась не просто гроза, а набирал разгон самый настоящий, не случавшийся до этого момента на Войне, шторм.

— Так вот откуда помехи...

За их спинами, в выщербленных снарядами камнях, недовольно завывал ветер — бросался на пучки высохшей травы, пригибал их к земле — пытался не то задушить, не то вырвать с корнем — крутил здесь и там маленькие вихри из пыли, злился.

— Эта гроза застанет всех врасплох. Она не просто создаст наводки на аппаратуру, но и образует кучу грязевых селей. Особенно там, на холмах, где солдаты.

Оживший под порывами ветра ежик Эльконто мотался теперь из стороны в сторону — пригибался то вправо, то влево; светлые брови сошлись у переносицы. Лагерфельд редко когда видел друга настолько серьезным.

— Повстанцам негде будет укрыться — их костюмы не влагоустойчивы. Блин, раньше в этом не было необходимости. На Уровне почти нет уцелевших строений, нет крыш. Вода

зальет все...

— Плохо. Может, объявить временное прекращение боя?

— Объявить-то я объявлю, а что толку? Надо срочно доложить Комиссии — пусть что-то делают, как-то исправляют ситуацию.

Доктор недоверчиво покачал головой, прикрыл глаза ладонью от метнувшегося в их сторону, поднятого ветром, песка и процедил:

— Боюсь, с тем, что у них наверху, сюда людей пришлют не скоро. А мне бы тоже доложить...

— О чем?

До бункера донесся первый ощутимый громовой раскат; казалось, от обилия в нем озона потрескивал воздух.

Лагерфельд стоял, сунув руки в карманы штанов, и какое-то время молчал — его хмурое выражение лица вторило тому, что прочно закрепилось на физиономии снайпера.

— Я оперировал сегодня одного солдата. Тот очнулся во время процедуры — не хватило снотворного, и, прежде чем я ввел ему еще, спросил, когда он увидит мать.

— Чью мать?

Серо-голубые глаза мигнули.

— Его мать.

— Что?

— Да. Пробормотал что-то наподобие: «Я давно не видел мать, она еще жива? Поеду к ней сразу после операции, док... Мне ведь позволят?»

— Ты хочешь сказать — он вспомнил? Вспомнил свой прежний мир и родственников?

Челюсть Эльконто распахнулась и не желала закрываться, несмотря на то, что в нее в любую секунду могло нанести песка.

— Похоже на то.

— Быть того не может.

— Может. Что-то происходит, Дэйн. Что-то плохое. Этот случай не был единственным. Вчера маленький Джим перед смертью попросил санитаря сообщить о том, что «он простил отца». Простил отца, понимаешь? А санитар все записал и принес мне. Еще спросил, кому и что он должен передать.

У стен бункера повисло тяжелое молчание, переплетаемое с завыванием ветра.

— Тогда творится полное дерьмо, Стив. И не просто дерьмо — а дерьмовейшее дерьмо из всех, которое я когда-либо видел.

Впервые док не стал язвить на поднятую Дэйном «пахучую» тему; вместо этого он молча, соглашаясь со словами друга, кивнул.

* * *

Уровень: Магия

— Что за привычка спать в обнимку с моим котелком? Думаешь, я про тебя не помню?

Арви валялся на земле, пыльный и довольный, щурил желтые глаза и цепко держал посудину в лапах; Марика подошла, наклонилась и потянула за ручку.

— Отдавай, будем ужинать.

Вместо ответа сервал затарахтел и попытался подцепить ее за палец когтем — разыгрался.

— Вот я тебе... Негодник ушастый.

— Что, не отдает?

Майкл, тем временем, принес из поленницы дров и принялся раскладывать их на расположенном во дворе костровище. На земле уже ждали заполненные водой алюминиевые бачки — один для супа, второй для чая. Позади в лучах закатного солнца тонул летний коттедж; Магию накрыл вечер. Мирно шелестели ветви сосен, раскачивались и поскрипывали верхушки тугих стволов.

— Не отдает. Знает, что отсюда вкуснее.

Они уже пробовали кормить кота привезенным из магазина мясом — тот в лучшем случае принюхивался к нему, чихал и отходил прочь, а иногда и вовсе не приближался к миске — ждал лакомства из котелка. А иногда, вот так, как сейчас, спал с ним в обнимку — друзья не разлей вода. Порой Марика задавалась вопросом — «что» или «кто» такое готовит еду в котелке, и почему она так нравится коту? Может, невидимый повар использует запрещенные добавки? Или же наоборот ничего не использует, в отличие от городских производителей... Второй вариант казался ей более правдоподобным.

Сероглазый загорелый мужчина, одетый в поношенные джинсы и легкую футболку, опустил перед сложенным шалашиком дровами и зажег спичку. Прикрыл огонек ладонями, сунул его в самый центр — тут же занялась, зачатила мятая бумага.

— Там, наверху, продолжаются аномалии — погода переключилась с дождей на жару.

— О, сильную жару? Было бы здорово посидеть в старом сквере у озера.

— Нет-нет, — Майкл нахмурился, — я о том и пытаюсь сказать — там температура перевалила пятидесятиградусную отметку. Не ходи пока в квартиру, вообще, если можешь, не выходи с Магии.

Марика присела на бревно, поставила отобранный у Арви котелок себе на колени и принялась «колдовать»; сервал тут же устроился рядом и принялся колотить по земле хвостом.

— Да я и не собиралась. Мне сценарий еще неделю дописывать, в город пока не нужно. Так что, конечно, посижу здесь. Работы много. А что у нас на ужин?

Она с любопытством посмотрела на лежащий у бревна пакет.

— Мясной суп. Изольда передала нам мятный чай, заварю сегодня, попробуем.

— Хорошая бабушка, добрая, — пробормотала Марика и достала из котелка свежий шмат мяса, по направлению к которому тут же двинулся сервал. — Да держи ты, держи.

Она положила кусок на траву, вытерла руки влажной салфеткой, убедилась, что чудо-котелок снова девственно чист и вновь принялась что-то бормотать.

— Что наколдываешь на этот раз? — Майкл улыбнулся, и вокруг его глаз появились едва заметные морщинки; она любила, когда он вот так улыбался — спокойно, тепло, уютно. — Водку с тоником? Ликер к чаю или новый десерт?

— Хочу...

Она хотела ответить «хочу сделать немного морса», но не успела — в этот момент случились сразу две вещи: жующий Арви вдруг оторвался от куска, поднялся с земли и утробно зарычал — шерсть вдоль выгнутого позвоночника встала дыбом — от шеи и до самого кончика короткого хвоста, а под ее ногами — под бревном, фундаментом дома и лесом, — дрогнула земля.

— Что за...?

Майкл поднялся и сделал шаг назад от костра как раз тогда, когда от нового подземного толчка развалился, раскатился в стороны шалаш; ввысь тут же взвился сноп искр. Задрожала веранда, мелко и часто задребезжали выходящие во двор стекла, затанцевали на земле подошвы.

— Землетрясение. — Выдохнул он потрясенно. — Боги, это землетрясение. Марика, не приближайся к дому!

Она и не собиралась! Резко вскочила с пня, на котором сидела, и теперь ошарашено чувствовала, как дрожат вместе с почвой колени — тело качало, воздух качало, качало мир. Подрагивало, словно зерно кукурузы на раскаленной сковороде, бревно; колыхалась и рябила в чанах поверхность воды.

— Землетрясение? Майкл, они что, здесь часто бывают?

— Никогда. — Морэн стоял бледный и к чему-то прислушивался. — Толчки под горой, прямо под ледником Илиайа. Черт...

Он бросился к веранде — за пару секунд преодолел расстояние в несколько метров, схватил лежащую на лавочке сумку и успел отскочить прочь до того, как треснуло первое стекло.

— Майк!

— Все в порядке.

Напряженный, со сжатыми в полоску губами, он стоял и смотрел на планшет — на карту, где у северо-западного участка расплывалось красное пятно.

— Лавина... Так и я думал, лавина. А там у подгорья два человека, я должен идти...

— Нет, опасно...

— Их может накрыть. Даже если не накроет, сход снега такого объема изменит русла рек, образует грязевые потоки, создаст новые ручьи. Людей надо эвакуировать из опасной зоны.

— Но...

Он подошел и положил теплые ладони ей на щеки — быстро и нежно поцеловал в губы.

— Не входи в дом, пока толчки не прекратятся. Вообще не входи в него, пока я не вернусь, потом что-нибудь придумаем. Поняла?

— Да.

Когда мужская фигура скрылась в ближайших кустах, и треск ветвей затих, когда земля под ногами начала постепенно успокаиваться, а стекла перестали дребезжать, Марика все никак не могла отойти от шока — застыла, окостеневшая, и все ждала, что сейчас тряхнет еще раз. Ждала и боялась, впервые за долгое время чувствовала, что вот-вот беспричинно расплачется. А рядом, глядя в сторону скрывшегося в чаще Майкла, стоял все такой же напряженный, вздыбленный и начисто забывший про мясо сервал.

* * *

(Eugene Gusachenko (Chris Wonderful) — Come Home)

— Ты не пойдешь туда!

То был первый раз на ее памяти, когда Дрейк не просто повысил голос — взревел.

После секундного замешательства Бернарда удивленно развела руки в стороны и логически обоснованно, как ей казалось, парировала:

— Но я бы могла там «прыгать», перемещаться, уходить от теней!

— Да не смогла бы ты там «прыгать»! В коридоре это по определению невозможно — время там течет нелинейно, пространство движется и перестраивается с такой скоростью, что после первого же прыжка ты окажешься вне пределов Криалы — тебя вынесет из нее, и вынесет неизвестно куда. Ты даже сигнал ЗОЗ не успеешь послать...

— S.O.S.?

— Да. Как ты там его называешь...

Он нервничал и оттого забывал привнесенные в его мир слова, в моменты эмоциональности спотыкался на них.

— Ко всему прочему свет, что идет у тебя изнутри, сильнее обычного человеческого — тебя сожрут мгновенно.

Дрейк прекратил расхаживать взад-вперед по полутемной спальне и одарил даму сердца тяжелым взглядом — та вжала голову в плечи, захлопнула рот и застыла — она уже и забыла, каким сложным бывает характер Начальника в моменты напряжения.

— Но кто же тогда пойдет? — От волнения голос Бернарды снизился до шепота; за окном снова капало — наверное, начинался очередной потоп. Теперь она понимала почему — ей объяснили. — Ведь кто-то должен идти? Вы, представители Комиссии, не можете. Ты сам сказал, что Коридор не примет «не людей», значит, должны идти люди. А, может...

Казалось, ее осенила догадка — почти спасительная мысль.

— ... пойдет тот отряд, что следит за верхними уровнями, начиная с пятнадцатого? Ты ведь говорил, что они здорово работают с энергией — смогут защититься?

— Они тоже «не люди», уже не совсем, и моментально привлекут к себе внимание.

Спасительная мысль обиженно мелькнула хвостом и исчезла.

— Значит, идти некому?

— Пойдут наши.

Не произнес — отрезал Дрейк.

Наши? Ребята из отряда — обычные люди, совершенно неподготовленные для этого? Самоубийство. Это же... самоубийство. Дина представила их — Халка, Мака, Аарона — стоящих посреди мглы, вглядывающихся в окружившие их тени, держащихся за бесполезные в этом месте винтовки. И ее не будет там, чтобы выстроить щит, не в этот раз...

Он прочитал витающие в воздухе страшные мысли.

— Я создам им щит. Он будет глушить их свет.

— Долго?

— Не знаю. Столько, сколько сможет. Надеюсь, они успеют.

Поникшие плечи мужчины в серебристой форме пугали ее куда сильнее вновь начинающегося потопа. Пустота во взгляде, поджатые губы, залегшие под глазами тени.

— Там все погибнут, да? Ты ведь знаешь заранее, видишь наиболее вероятное будущее...

Она не просто боялась спрашивать — паниковала при мысли о положительном ответе, но должна — ДОЛЖНА была знать. А молчание длилось слишком долго, и самоуспокоение не срабатывало; все сильнее, яростнее колотил по подоконнику ливень. Сегодня очередей у магазинов не будет; если дождь не остановится и завтра, люди начнут голодать.

— Там точно погибнут все остальные — это я вижу. — Долетел, наконец, от окна тихий ответ. — А у наших есть шанс, для них будущее не определено. Есть... шанс.

Шанс выжить. Для Рена или Дэйна — того, кто пойдет. Они выживали везде: где-то везло, где-то выручала сноровка и вбитый годами в мышцы и инстинкты навык, но здесь старые методы не сработают. Даже Дрейк не знал наверняка, что именно там сработает.

Дину тошнило.

— Дрейк, может, отправить кого-то еще? Людей? Кого-то другого...

Нельзя вот так рисковать — только не лучшими из лучших.

— У других шансов меньше. Если я не рискну своими людьми, то рискну своим миром. Понимаешь?

Она понимала. Смотрела на напряженную, обтянутую шуршащей тканью, спину и понимала, что кошмар уже нельзя предотвратить, что он уже случился.

— Я... хочу присутствовать на утренней встрече, ладно? Хочу знать...

Кто пойдет.

— Начало в девять утра. Кабинет номер девять.

Он так и не повернулся. Она знала: сегодня Дрейк вновь не будет ночевать дома.

* * *

— Пойдут холостяки — так я решил: Стивен, Аарон и Баал.

После этой фразы в комнате моментально поднялся гул.

— С чего бы это?

— Почему?!

— Нечестно!

Недовольно привстал со своего места Рен — его упершиеся в стол кулаки напоминали гири; бицепсы и желваки напряглись. Мак недовольно откатился вместе с креслом от стола, сложил руки на груди и набычился, в противоположность ему еще ближе придвинулся к столу Дэлл, почти навалился на гладкую поверхность всем весом. Один только Логан не выдавал эмоций — смотрел в разложенный на коленях электронный портативный девайс и не участвовал в обсуждении.

— Все должны идти! — Медведем ревел Дэйн. — Все! А как прикрывать, кому?

— Я не смогу создать столько щитов! И вообще, с каких пор принятые мной решения оспариваются вслух? Кто-то потерял чувство субординации?

Ответный рык Дрейка моментально погрузил кабинет в тишину. Отлипли от стоящей в центре фигуры взгляды-лазеры, расползлись кто куда, но лица остались недовольными.

Начальник зло сжал челюсти — он, как и все присутствующие здесь, начинал звереть:

— Я уже сказал, что создать щиты, которые бы глушили идущий изнутри свет, задача непростая. Натренировать вас тоже — у меня попросту не хватает ни ресурсов, ни людей, чтобы сделать это в короткие сроки, а времени у нас, увы, нет. Совсем нет — это ясно?! Плюс ко всему, я не намерен в случае плохого исхода объясняться с вашими дамами, почему остаток жизни им придется провести в одиночку. Дрейк — плохой! Дрейк — пакостник... Думаете, я ни разу этого не слышал?

Иронично ухмыльнулся со своего места Джон Сиблинг.

— Так в дамах дело? То есть те, кто не успел ими обзавестись, могут теперь поработать?

— Дэйн!

— А что, Дэйн? Я тоже хочу идти, я не пушу Стиви в одиночку!

— Дэйв! — На этот раз его одернул не Дрейк, а сам доктор. — У тебя Ани...

— А что, Ани? Ани дождется меня обратно.

— Ты еще не до конца понял ситуацию, так? — процедил Начальник. — Никто может не вернуться из этого похода, я уже вам это объяснил. У тех, кто пойдет, будет всего один шанс, и если они его упустят...

— Трое, может, и упустят, а вот четверо!..

— Уймись, Эльконто.

Сиблинг впервые подал голос, и снайпер наделил его таким взглядом, что заместитель не выдержал и отвел глаза — редкий кадр; тихо наблюдающая за всем из угла Бернарда не смогла этого не отметить. Она вообще, судя по всему, присутствовала на феноменальном историческом моменте — моменте решения судьбы целого мира. Посмеяться бы, вот только это не фильм. И жаль, что так.

— Я пойду! — не унимался Эльконто. Казалось, сегодня даже ежик на его голове топорщился в потолок особенно воинственно. — Дрейк сам сказал, что сможет сделать четыре щита. Четыре!

— Тогда пойду лучше я! — Вклинился Мак. — Лайза тоже дождется меня обратно.

Открыл, было, рот, чтобы вставить веское слово и Рен.

— Молчать! — в кабинете резко понизилась температура — верный признак того, что Начальник разъярился не на шутку. — Чтобы я вообще больше не слышал обсуждения своих приказов. А тот, кто ослушается, уйдет не только из этого кабинета, но и со своей должности. Так достаточно понятно?

Вновь незаметно ухмыльнулся Сиблинг; Бернарде почему-то захотелось его стукнуть.

Прежде чем продолжить говорить, Дрейк какое-то время молчал — бороздил взглядом недовольные лица, сжатые кулаки, нахмуренные брови — ждал, пока к присутствующим придет понимание: он не шутит. Здесь больше никто не шутит — время для шуток истекло, возможно, совсем.

Дина в который раз вспомнила прошлый вечер — почти чужого напряженного человека, стоящего у окна, которого хотелось, но в то же время было боязно обнимать.

Пусть все вернется к нормальному состоянию, — взмолилась она мысленно, — пусть все станет, как было. Иначе тяжело, всем тяжело...

Тем временем ровный, не терпящий возражений голос зазвучал в кабинете вновь.

— Пойдут трое. Или четверо. Я приму решение. А сейчас пора переходить к обсуждению деталей — мы и так потратили слишком много времени на споры. Карта. Все смотрим на карту и задаем вопросы. Я объясню ровно столько, сколько смогу объяснить и не более, поэтому слушать рекомендую очень внимательно.

На этот раз возражений не послышалось; взгляды всех присутствующих сосредоточились на разворачивающейся в центре комнаты объемной голограмме.

Местность была незнакомой. Точнее, местность вообще отсутствовала — Дрейк воссоздал Коридор таким, каким показали его Фурии — пустым, серым, бесконечным по протяженности.

— Криала. Пространство, соединяющее все миры с одним — Нижним.

Освещение в кабинете пригасло; линии проявились ярче. В комнате стихли все звуки, даже дыхание.

— Место перехода, откуда существа из мира мертвых проникают в Средние миры —

такие, как наш — чтобы забрать с собой души тех, кто не смог пройти свой путь правильно. Души проклятых. Этот коридор — смесь искривленного времени и чистой энергии, которая облегчает переход, делает его возможным для теней, и, как я уже сказал, живых это место не любит. А уж таких, как мы (кивок в сторону Сиблинга) не примет вовсе — попросту отогнет на входе.

Кто-то тяжело и протяжно вздохнул, кажется, Дэйн. Все смотрели на пункт будущего назначения для троих (четверых?) хмуро и замороженно; Бернарде вообще казалось, что она слушает сказку — небылицу на ночь. Не может такое место существовать в реальности, не может... Все эти демоны, дьяволы — все это выдумки, мифы, их не было и нет — пугалка для малышей.

Но Дрейк был серьезен — он не просто верил, что Коридор есть — он знал это, и от этого делалось по-настоящему страшно.

— Тени, что в нем обитают — это невоплощенные в физические тела существа — они реагируют на свет живой души, притягиваются к нему, поэтому для тех, кто туда пойдет, я создам щиты, глушащие его. Проблема лишь в том, что щиты не будут долговечными. Они протянут несколько суток, не более.

— И за это время нам нужно отыскать «объект»?

Аарон по старинке пользовался привычной терминологией. Ему, уверенному в том, что придется самолично шагнуть в ад, нужны были детали — много деталей.

— Да. Чем раньше, тем лучше.

— А что мы, собственно, ищем, шеф? Человека, предмет, какую-то зону?

«Чем защищаться? Что дадут с собой? Когда выступить? Сколько времени на подготовку?»

Все эти вопросы ждали своей минуты — это читалось по сосредоточенному лицу стратега, но Дрейк приостановил не успевший вырваться наружу поток слов, сделал предупреждающий жест рукой и повернулся к карте. Чуть в стороне от плавающей голограммы возникло свечение, за несколько секунд сформировавшееся в законченный образ — книгу. Яркую, сияющую, с золотыми страницами и льющим сверху столбом света.

— Вы ищете вот это.

Взгляды всех присутствующих моментально приклеились к полыхающим огнем страницам.

— Книгу?

— Да, книгу. Точнее, вход в то место — маленький мир, в котором она находится. Это — источник Знаний, и он может позволить нам понять, как сохранить наш мир целым и невредимым. Конечно, если мы... вы, — Дрейк сделал паузу и невесело хмыкнул, — успеете его отыскать.

— За трое суток? — недоверчиво уточнил Баал.

— Да, а то и меньше.

— Там, где время нелинейно и в пространстве нет никаких ориентиров?

— Именно так.

— Это почти невозможно.

Начальник пожал плечами.

— В таком случае решим, что мы сделали, что было в наших силах и можем расходиться по домам. Которые, к слову говоря, скоро начнут разваливаться.

Под неодобрительным взглядом коллег Регносцирос набычился и притих. Через

несколько секунд он извинился и сообщил о том, что снова внимательно слушает.

Дрейк кивнул и обвел всех хмурым взглядом.

— Входов в это место — в сам Коридор — существует несколько. Я покажу тот, через который войдете вы...

Под неуловимым жестом руки местность Коридора вновь начала меняться.

Она не досидела до конца совещания — в какой-то момент устала от скопившегося в кабинете напряжения и, незаметно для всех, исчезла оттуда. «Прыгнула» на крышу Реактора и теперь, расположившись в защищенном от дождя под навесом бетонном блоке, наблюдала за тем, как Нордейл поливают тяжелые серые тучи.

Коридор, тени, книга... впившиеся в голограмму взгляды. Они — ее друзья, все эти мужчины — давно стали не просто коллегами или товарищами — именно друзьями, а теперь нескольким из них предстоит совершить этот сложный поход.

Беспокойно болела и ворочалась душа.

Когда-то именно здесь они вместе сидели с Дрейком; тогда было тепло и солнечно, тихо: прогретый бетон, спокойный вкрадчивый голос, первый долгий разговор и ее самый первый тест. Тогда Бернарда боялась, сильно боялась: Начальника, этого мира, предстоящей задачи, изменений, собственных, тогда еще только открывшихся, способностей, но сегодня, сидя в шумовой завесе из дождя, в прохладе и одиночестве, она боялась больше.

Справятся ли? Все ли вернутся обратно?

Дрейк сказал, что Коридор соединяет все миры, значит, и ее тоже? Неужели входы в него существуют и из знакомых ей с детства городов? Провалы, дыры, энергетически тонкие места — как они выглядят? Что, если она никогда не знала о том, что один из них всегда располагался прямо за домом или где-нибудь в подвале? В сквере, на пустыре за тем зданием, где располагался офис «Сократа» или же прямо под мусорным баком?

Страшно даже думать о таком. Наверное, и из ее мира демоны и тени забирают с собой тех, кто продался, подписал контракт, обменял душу на материальные блага или богатства, ведь, оказывается, это так легко сделать. Пожелал признания, славы или обогащения, крикнул в темному «хочу!», и кто-нибудь придет, чтобы предложить сделку, обязательно придет — хорошо, если наяву, но чаще через сон — так сказал Дрейк, — через сон, да, и это самое опасное. Люди не верят в реалистичность происходящего в снах и легко соглашаются на что угодно...

«Какие же мы дураки...»

Дина сжала зубы.

Интересно, Джоан Роулинг тоже подписала «контракт»? Согласилась ли заложить маленькую светящуюся искру в обмен на то, что книги о Гарри Поттере разошлись по миру миллионными тиражами? Или же кто-то пробивается вверх сам, без кровавой подписи, поставленной за то, чтобы однажды за тобой пришли и провели через этот самый Коридор?

Век бы о нем не знать, и жить было бы спокойнее.

Отлетающие от бетона брызги разбивались в мелкую водяную пыль и долетали до ботинок; медленно намокали штаны.

Шумел льющийся с неба водопад, грохотал под миллионами капель проспект, все потонуло в мокром, пронизанном ливневыми стрелами, сероватом тумане.

Надо бы обсохнуть, посидеть где-нибудь, где тепло и знакомо, отдохнуть душой и телом, очистить голову.

Слушая звон срывающихся с короткого козырька в ближайшую лужу капель, Дина закрыла глаза и представила с детства знакомую комнату: цветок на окне, застеленную узкую кровать, полки над компьютером, книги на них...

Домой. Да, в этот момент ей почему-то хотелось домой.

Цветок засох.

Его уже долгое время никто не поливал — Дина забыла, мама отдыхала на курорте в Испании (теперь могла себе это позволить), Анатолий вот уже два месяца не жил в этой квартире — после очередной ссоры на тему непрекращающегося пьянства съехал с вещами куда-то к брату под Ивановку.

Никто о нем не жалел. Уж точно не Дина, а маме давно стоило понять, что жизнь куда шире вечеров перед телевизором, куда интересней постоянной мойки посуды на кухне и уж точно глубже философии на тему «тебе не понять того, что водка не губит мой организм, а помогает ему отдыхать».

Вот и отдыхает теперь кто где.

Только цветок жаль.

Какое-то время, сама не зная зачем, Дина слонялась по пустым комнатам: касалась шторок, смотрела на улицу, глазела на мамины записи в настенном календаре «Отвезла товар в магазин», «Сериал начинается в 18:00», «приходила Людка»... Посидела в кресле перед молчащим телевизором, сходила на кухню, наткнулась на отсутствие горячей воды в кране, долго созерцала в стенном шкафу знакомый кофейный сервиз и стоящие рядом пачки чая и кофе. Не те — старые и дешевые, а новые, дорогие.

Да, той «Принцессы Нури», пакетики которой она таскала в Нордейл, больше не было, как не было больше и девчонки, что когда-то жила здесь: ходила на работу в Сократ, читала вечерами книги по эзотерике, подолгу сидела за компьютером и все ждала — ну, когда же что-то изменится? Когда в жизни произойдет что-то существенное?

Только сейчас она поняла, что что-то существенное происходит постоянно, ежеминутно. Мысли, выводы, поступки, встречи — некоторые действия незаметны и как бы «не в счет», но все они куда-то ведут — к новому витку на дороге жизни, к изменениям, к течению пространства и тебя в нем. Какое слово считать существенным — то, которое сказал или то, которое так и не произнес? Какой шаг считать правильным — совершенный или нет? Когда именно наступаешь ногой на невидимую точку невозврата, все глядя вперед, все ожидая, что еще бы вот-вот, еще чуть-чуть...

Ей хотелось поговорить. Сесть, как когда-то в кресле, рядом с матерью, и рассказать ей все. Про беды в Нордейле, про рушащийся мир — любимый мир, про неночующего рядом Дрейка, про тревоги по поводу друзей. Рассказать, что существует, оказывается, страшный коридор, и кому-то придется в него идти — нет, не ей... Нет, мам, не волнуйся, ее туда не отправят...

И что бы ответила мама? Нашлись ли бы правильные слова или же это только иллюзия, что дома всегда защищено, что тебя здесь всегда поймут? Память из детства, непреодолимое желание прижаться, зарыться под невидимый пух теплого крыла, пересидеть.

А там все наладится. Всегда налаживалось.

Она несколько минут смотрела на шершавые, уже совсем не зеленые и безжизненные листья фиалки, но так и не придумала, выкинуть цветок или нет? Поливать бесполезно, а в мусорное ведро... душа не лежит.

Скрипнули ножки кровати, прогнулся матрас. Дина сбросила с ног промокшие еще в Нордейле носки, поправила подушку и легла прямо поверх старого протертого покрывала. Вытянулась в полный рост, закрыла глаза.

Серовато-белый потолок, пыльные книги на полках, погашенный монитор и шумящие за окном ветви деревьев.

Отсюда все началось.

Но не здесь и не сейчас все закончится.

* * *

Он пришел. Пришел этим вечером домой. Усталый, но не злой, фонящий, но не до состояния «неприкосновенности», с пригасшей, как покрытый пеплом уголек, но все же улыбкой. А, главное, он пришел, чтобы переночевать дома, и она радовалась. Лежала на теплом плече, вдыхала родной запах, наслаждалась прикосновением мужских пальцев к плечу, их неспешным поглаживаниям. Но больше всего наслаждалась ощущением «снова вместе». Пусть тяжело, пусть не самые лучшие времена, но даже такие лучше переживать вдвоем, а не поодиночке.

— Выбрали четверых. Аарона, потому что у него отлично соображает голова и потому что он быстро умеет ориентироваться по ситуации, плюс, хороший лидер и боец. Доктора, потому что, в случае надобности, он сумеет подлатать ранения. Хотя, боюсь, что все ранения, которые они могут получить, будут не физические, а, скорее, энергетические, и Стив навряд ли сумеет таким помочь. Они не подготовлены, никто не подготовлен к такому. Будем надеяться на щиты, что еще остается?

Дина не перебивала, просто слушала. Ровное дыхание, стук сердца, шум дождя за окном. Хорошо, что здесь нет фиалки. Хорошо... или плохо?

— Вот Баал подойдет этому месту лучше всего — жаль, таких, как он больше нет.

— Каких?

— Он полудемон. Рожден от человеческой женщины и демона — свет его души куда более тусклый. Ему в Коридоре будет почти безопасно.

Надо же, она не знала... Полудемон. Черноволосый красавец — всегда молчаливый, всегда угрюмый, всегда один. Теперь становилось отчасти понятным «почему».

— Он тоже может забирать души?

— Может.

— И заключать «договора»?

— Да. И это тоже. Он ведь не зря выбран на роль Карателя — он видит людей не так, как видят их другие.

— Получается, он и желания может исполнять? Ведь демоны, прежде чем подписать «договор» исполняют желания?

— А тебе приспичило исполнить одно?

Дрейк улыбался в темноте спальни.

— Я просто спросила...

— Он может влиять на ход судьбоносных событий, да. С разрешения, конечно.

И забирать души через Коридор. В таком случае, он должен быть там «завсегдаем»...

— Значит...

Ее перебили — поняли вопрос до того, как он прозвучал.

— Нет, это не значит, что он знает там все дороги. Баал редко забирает души, куда чаще он выступает для людей Проводником обратно в их прежний мир, а не в ад через Криалу. Мы не отправляем отсюда в ад, мы отправляем их обратно. Даже идиотов.

Бернарда замолчала, задумалась, а Дрейк добавил.

— Я встрою им в щиты возможность эвакуироваться из Коридора. На случай тяжелого ранения. Проблема в том, что «выпрыгнуть» из него можно только раз, и если все выпрыгнут до того, как найдут книгу, миссия провалится — второго шанса не будет. Криала не позволит войти в нее еще раз. По крайней мере, так сказали Фурии.

— То есть нельзя эвакуироваться заранее?

— Нельзя. Но и умирать там нельзя. Раненых я сумею подлатать, а вот умерших воскресить не смогу. Даже тела оттуда не смогу достать.

Тела. Страшное слово, черное, покрытое тленом. Не думать, не думать, не думать...

— Они справятся, Дрейк. Смогут.

— Я надеюсь.

Тяжелый вздох и печаль в воздухе. Невысказанное «я отправляю их на смерть».

Дина уткнулась носом в теплую шею, погладила покрытый щетиной подбородок и прошептала:

— Ты учил меня верить, ведь так?

Нет ответа. Но он ей и не требовался.

— Вот и верь. Даже не вздумай сомневаться, верь. — Затем, почти случайно вспомнив, что упоминания о «четвертом» участнике экспедиции так и не прозвучало, спросила: — А кто еще идет? Помимо Аарона, Стива и Баала?

— Дэйн.

— Ты его все-таки пустил?

Дрейк кивнул. Какое-то время молчал, затем невесело усмехнулся.

— Пустил. Потому что этого медведя проще убить, чем остановить. Будем верить, что я сделал это не напрасно.

Глава 4. Криала

Трава казалась блеклой, выцветшей, полупрозрачной и почти не чувствовалась под пальцами, но сидящая на земле Тайра продолжала водить по ней ладонью. Серые мраморные плиты под ногами, выложенный камнями край клумбы.

Мимо ходили люди: мужчины, женщины, солдаты, торговцы. Она могла различать их лица, складки на одежде, видеть украшения на пальцах, даже слышать голоса — невнятные и иногда расплывчатые, но голоса. Звуки.

Кусок города, такой же призрачный, как и все остальное здесь, утонул в сероватой дымке, растворялся в ней, пропадал. Наверное, это Оасус.

Выхаживающие по краю площади прохожие не видели сидящую на земле у края клумбы девушку, а она почти не смотрела на них — что толку? Призраки. Такие города уже встречались ей на пути — все разные. Иногда знакомые, иногда нет — все, как один, бесцветные, сотканые из тумана — клубящейся энергии коридора.

Тайра терялась во времени.

Сколько она провела здесь? Сутки, двое, больше? В этом месте не хотелось есть, пить или спать, почти не хотелось мыслить, но она заставляла себя — изредка мучительно и насильно раскручивала шестеренки мозга, чтобы те не застопорились окончательно и не позволили забыть о том, где она, кто она и зачем.

Она все же спала. Неспособная определить, утро это или вечер, просто ложилась на землю, отдыхала, хоть совсем не чувствовала усталости, закрывала глаза и подолгу лежала, чтобы через какое-то время подняться и вновь брести без цели и направления.

Они встречались часто — туманные города, куски знакомого и незнакомого мира, люди. А иногда пропадали вовсе. Чаще городов ей встречались странные клубящиеся темные существа — тени, зависшие на одном месте или же движущиеся — их она обходила стороной, хоть последние не обращали на путницу ровным счетом никакого внимания.

Но они смотрели, знали, что она здесь — чувствовали.

Белесая трава не радовала. Трава должна быть зеленой, живой, сочной, но в отсутствии настоящей Тайра, не отрываясь, смотрела на эту. Снова и снова пыталась ее потрогать — тщетно.

Миры, что возникали перед ней, не принимали ее, не впускали внутрь. Вспыхивали, отзываясь на пожелания мозга увидеть хоть что-то, пообщаться, и исчезали, стоило ей потерять к ним интерес.

И тогда Тайра шла дальше.

Поначалу, как только оказалась здесь, она все ждала, что кто-то придет (спустится с неба или пошлет сообщение) и объяснит, зачем ее оставили в живых, но время шло, и никто не приходил. Если у Старших, принявших решение сохранить Тайре жизнь, и была некая грандиозная цель, то ее саму забыли посвятить в небесные планы.

Есть душа? Нет души? В какой-то момент ей стало почти все равно.

Помимо эмоциональной пустоты, что теперь мучила вместо физического голода, ее угнетало постоянное сосущее чувство одиночества. Говорить с самой собой не имело смысла — голос тонул во мгле, путался невнятным эхом в тумане и больше пугал, нежели радовал. Смех вообще казался здесь чуждым, едва ли ни зловещим.

Как быстро здесь текло время? Год... ее оставили здесь на год — это долго?

Ни часов, ни календаря, ни солнечных лучей. Ни восходов, ни закатов, ни живой души.

Проносящиеся иногда перед самым лицом тени перестали пугать ее куда быстрее, чем мысль о том, что она, скорее всего, свихнется быстрее, нежели доживет самый длинный и самый последний год своей неудавшейся жизни. Не сможет бесконечно ходить по отсутствующим дорогам, не вынесет отсутствия смысла движения, не сумеет постоянно напоминать себе о чем-то живом, светлом, настоящем. Да и зачем?

Ведь цели уже нет.

Нет цели.

Ким что-то говорил, да... Что Коридор — это место пересечения миров, и что Коридор не один. Есть тот, что ведет в Верхний мир, есть один, общий — Уалла, и есть тот, что находится на пути в мир теней — Криала.

Она попала в последний. «Повезло».

Сбежала из тюрьмы, сбежала от охранников и Уду, сбежала от жизни.

Ей бы разозлиться на муара или на Старших, ей бы сыпать проклятьями, изрыгать пламя, но вместо этого Тайре хотелось... прутик. Тонкий древесный прутик — ветку, которой можно водить по земле. И еще речку, на берегу которой можно посидеть, послушать звук текущей воды, понаблюдать за мелкими волнами и солнечными бликами, посмотреть, как на дне, ласкаемые потоком, колышутся зеленые водоросли.

Речки были из той же стези, что и трава. Бесконечный непересыхающий поток воды — наверное, это очень красиво, но ей уже не увидеть. Не здесь, где нет даже мелких камушков, нет облаков и песка.

Уставшая от бесконечно скользящих по кругу мыслей, Тайра прилегла на землю и закрыла глаза — положила под щеку ладонь, вздохнула и, перед тем как соскользнуть в короткий момент забыться, подумала о том, что еще неплохо бы почувствовать ветер.

Хотя бы легкое его дуновение.

Она проснулась от звука текущей воды.

И еще оттого, что на вытянутой вперед руке примостился подвижный и теплый солнечный зайчик. Густо, почти пьяняще пахло соцветиями незнакомых растений; невдалеке, прозрачный и искрящийся от ярких лучей, радостно бежал ручеек.

Тайра приподнялась на локте — ладонь кольнул острый стебелек травы — живой и зеленый, — и ахнула. Успела прикрыть пальцами рот, распахнуть глаза, обвести взглядом цветущую поляну и в этот самый момент... — нет-нет, только не это! — та начала медленно растворяться, беззвучно исчезать в сером тумане. Всего за несколько секунд канул в небытие ручеек, сделались прозрачными растения, улетел вдаль щебет невидимых птиц.

Ее сердце ожило, заколотилось нервно и быстро, почти как раньше.

Она ведь видела все это — видела! Чувствовала. И запахи, и звуки, и цвета... Почему все пропало так быстро?

Наверное, Коридор каким-то образом вытянул из ее головы мысли и воплотил их в объекты — недолговечные и хрупкие, но зато настоящие.

Как? Как это произошло? И можно ли повторить подобное еще раз?

Впервые за долгие часы/дни, сидя в пыльной одежде на земле, босая, Тайра смотрела на окруживший ее туман не враждебно, а, скорее, заинтересованно. Как... Как же повторить все это еще раз? Что именно она представляла перед тем, как заснуть?

Неподалеку от того места, где она сидела, из-под земли возникли две уродливые вытянутые тени. На секунду или две они зависли в нескольких метрах над землей, затем просочились в тонкую щель нужного им мира, а назад вернулись уже с яркой, зажатой в тиски тонких лап искрой — чьей-то душой.

Знакомая картина — очередной муар, очередная сделка. Тело осталось наверху, наверное, ему дали десять лет жизни...

Не глядя на то, как вырывающуюся душу тянут за собой в мир мертвых, Тайра неторопливо изучала взглядом туман, даже попыталась коснуться его пальцами.

Что это за субстанция? Из чего она соткана и какими свойствами обладает? И если она однажды создала траву, которая кольнула ладонь, не может ли она, например, создать домик? Домик со стенами и крышей, домик с кроватью, который не разрушится при очередном пробуждении.

Ведь коротать год в домике куда интереснее, чем коротать его в непроглядной дымке?

Впервые за долгое время хождения по просторам Коридора в сознании Тайры колыхнулась искорка интереса, и, кажется, впервые у нее появилась маленькая, кривая и бесформенная, но все-таки цель.

Дальше она тренировалась, как сумасшедшая — подолгу сидела на земле с закрытыми глазами и воображала все, что приходило на ум: улицы Руура, собственную комнатку под лестницей, пансионат, иногда высокий шумящий лес, которого она не видела никогда в жизни, и Коридор отзывался. Медленно и неверно ткал из тумана стены домов, пыльные дорожки, глиняные вазоны у дверей торговцев, даже ровные, увенчанные кронами стволы деревьев — всячески пытался угодить страннице, но как только та пыталась стабилизировать объекты — зафиксировать их в пространстве, — ничего не выходило. Стоило подняться с земли, протянуть руку к лежащему неподалеку камешку, как все исчезло, снова таяло и теряло форму.

Тайра уставала. Силы здесь набирались медленно, а тратились быстро.

Однажды ей приснилась карта — карта Коридора со множеством светящихся точек — входов-выходов и даже пояснений на непонятном языке, и, проснувшись, она долго пыталась ее вспомнить. Может, здесь имеется дверь, которая выпустит ее наружу? Разум долго терзал остатки сна, пытаясь сложить их воедино, как разорванные части головоломки, но так и не смог — ведь сны — это чужая память — память нефизического тела, — и задерживаться в чьей-то голове ей не хотелось.

Если бы кто-то спросил, сколько дней Тайра провела в этом месте, та, не задумываясь, ответила бы «семь». Или «восемь». Так ей почему-то казалось: наверное, работали внутренние часы. А если дней прошло всего семь, значит, их осталось еще примерно три с половиной сотни? Одинаковых, серых, унылых, одиноких и похожих на друга много-много сотен дней?

Нет, ей такого не выдержать. Разум утомится, одичает и озвереет от внутренней и внешней пустоты раньше, чем у остатков физической оболочки истлеют последние силы.

Глядя на расстелившийся до самого горизонта туман, Тайра села на землю, уперлась локтями в колени и вздохнула. Туман-туман-туман. Ни цветов, ни красок, ни звуков — другая разновидность ада. Неужели она познает их все?

Хотелось пить — не телом, но умом. Хотелось держать в руках ложку, иметь возможность сидеть или лежать на кровати, куда-то ходить, покупать продукты, готовить.

Хотелось жить и снова чувствовать.

Неслышно тикали секунды; изредка мелькали справа или слева темные сгустки — появлялись и тут же уносились прочь. Мысли путались.

Измученная заикленностью собственных дум, она подняла глаза к несуществующему небу и тихо прошептала: «Пусть кто-нибудь придет. Живой. Хоть кто-нибудь...»

Ей бы пообщаться. Хоть недолго, хоть минуточку — посидеть с кем-нибудь рядом, — лишь бы не одной, — поговорить.

Наверное, не услышат. Никогда не слышат, но Тайра, невзирая на накрывшее надежду разочарование, продолжала беззвучно молиться.

Отличное от предыдущих событие случилось после трех периодов бодрствования и четырех периодов сна — теперь время делилось ими.

Она как раз раздумывала, чем занять заскрежетавший от бездействия ум, — новой попыткой воплощения травы или же очередным перебором сохранившихся воспоминаний, — когда увидела его — человека.

Справа от нее, литая в четырех, неторопливо и осторожно, будто туман мешал ему видеть, шел человек — бело-голубой, чуть светящийся, настоящий. Не тень, не муар, не сгусток — нормальный мужчина в легкой, похожей на туру накидке поверх обнаженного тела и с непокрытой головой.

Тайра моментально вскочила на ноги.

— Эй!

И бросилась следом.

— Эй, вы меня слышите? Вы живой?

Мужчина не оборачивался и не реагировал; за ним несколькими парами голодных глаз следили тени — следили, но не кидались — наблюдали.

Тайра бежала следом за незнакомцем с гулко бьющимся сердцем и боялась: только бы не сожрали, только бы не утащили с собой, только бы не утащили во тьму монстры — она ведь не успеет даже поговорить...

— Подождите! Стойте! Вы меня слышите? Да стойте же!

Мужчина услышал. Застыл, обернулся, долго смотрел на подбежавшую девушку не удивленным, скорее любопытствующим взглядом, как будто уже некоторое время ожидал увидеть здесь кого-то — «кого-то», но не ее.

И... он оказался полупрозрачным, не живым, как она полагала.

— Призрак. — Разочарованно выдохнула Тайра. Просто еще один воплощенный туманом призрак — на этот раз без города, всего-то...

От услышанного брови мужчины поползли вверх. Его мясистое лицо не было ни примечательным, ни красивым: комковатый нос, круглые глаза, редкие волосы. Странно, что она видела прожилки на пористой коже: лопнувшие сосуды на носу, родинки, светлую щетину. Очень натуралистично воплощенный объект — Коридор постарался.

— Я не призрак. — Вдруг ответил незнакомец, и слова его прозвучали для Тайры музыкой просто потому, что это были звуки — издаваемые *не ей самой* звуки. — А вы... а вы кто?

— Я? — Она вдруг растерялась. Сказать «я тут живу»? Назвать имя? Нет, свое имя она точно не выдаст.

— Вы, должно быть, Проводник! — Вдруг оживился мужчина-«не призрак». — Как

же... точно! Я не думал, что мне посчастливится встретить одного. Я уже час как пребываю в астральной проекции, пытаюсь отыскать вход в Тируан. Помогите мне найти его, а то скоро мои силы иссякнут, и я проснусь...

Ах, вот оно что! Нет, не призрак — очередной слабенький колдун. Ким говорил, что некоторые маги во время медитации или сна занимаются погружением сознанием — своей нефизической оболочкой — в другие миры: ищут, исследуют. Значит, и этот, завернутый в простынь, на самом деле сейчас спит в кровати в одном из миров, пока его неутомное сознание ищет вход в какой-то Тируан.

Что ему сказать? Пожелать удачи с поисками? Его не попросишь посидеть рядом с собой часок-другой — у него цель.

Стало грустно и снова тоскливо.

— Надеюсь, вы найдете, что ищете.

— Вы не можете?

Тайра отвернулась, потеряла интерес к незнакомцу. Что с него толку? Через минуту-две или час он исчезнет. Да и вообще, рядом с ней не тело, а одна из его оболочек — тонкая, непрочная, почти пустая. Поэтому тени и не кидаются.

— Не думаю, что могу помочь.

— Но, вы же здесь... обитаете? В Коридоре? И вы не из Нижнего мира.

Спасибо, угадал. Она теперь вообще ни из какого мира. А полупрозрачная проекция, тем временем, не унималась:

— Наверное, знаете короткие пути к точкам входа? А то ведь я часами могу блуждать. Помогите мне, пожалуйста, и я вас отблагодарю.

Что? Отблагодарит? Ей на секунду стало интересно — нет, не то, что бы она могла помочь, но все-таки.

— И чем же?

Маг оживился.

— Доведите меня до входа в Тируан, и я, как это принято в тонком мире, поделюсь с вами своей энергией. Щедро, обещаю. Я не жаден и никогда не был.

Энергией?

Тайра оторвала взгляд от привычной дымки и вновь посмотрела на мужчину. Значит, он считает ее проводником и готов поделиться силой. Интересно ей это или нет? Наверное, интереснее, чем просто сидеть, сходить с ума от одиночества и утомлять глаза разглядыванием клубящихся темно-серых и светло-серых мутных слоев. Но сумеет ли она найти то, что он ищет? И как?

В голове тут же всплыли обрывки сна и увиденная в нем карта — сложная, объемная, пугающе глубокая.

Если... Конечно, только если она сумеет вытянуть тот сон на поверхность и разобраться в нем, появится шанс определить, где находится вход в Тируан. Наверное, это сложно, и она никогда прежде не пыталась, но даже неудачная попытка станет куда более интересным занятием, нежели опостылевшее брожение вникуда без цели и направления.

— Я... не знаю.

— Ну, пожалуйста!

Взъерошенный колдун с заспанным лицом казался ей даже забавным. Что она теряет? Ничего.

— Хорошо. Я попробую.

И на спешный согласный кивок Тайра добавила: «Мне нужно ненадолго погрузиться в дрему, ждите».

Вытаскивать сны на поверхность ее учил Ким.

— Это несложно: закрой глаза, освободи разум от мыслей, а далее представь точку, которая плавно скользит вниз-вниз-вниз — продирается будто сквозь толщу воды — медленно и неспешно. Окажись сверху на этой точке и начинай скользить вместе с ней — наблюдай, как погружаешься, но ни о чем не думай. Спустя какое-то время ты начнешь видеть из пустоты первые обрывки снов, — они будут разными и не «теми», что ты ищешь. Не зацкливайся на них, не «входи» внутрь. Дай сознанию команду найти определенный сон — оно само поймет, какой — и продолжай скользить вниз. Сначала ты ухватишь «хвост» сна — лишь одну-единственную картинку — и обрадуешься, но не держись за него. Отпусти «хвост», и тогда нужный пласт информации вынырнет на поверхность весь, и только когда это произойдет, позволь себе «войти» в него целиком...

Погружение, нырок, «хвост» — все было, как он учил.

Сначала обрывки карты — восторг, что она сумела ее ухватить, — затем потеря изображения, пустота, погружение глубже, и вот оно случилось — сон всплыл на поверхность, показался целиком, и Тайра нырнула в него, опьяненная чувством восторга.

У нее получилось! Ким, получилось!

Теперь карта, похожая на звездную, окружала ее со всех сторон. Не плоская, как лист бумаги, но сферическая, объемная, почти бесконечная по протяженности и завораживающая в своей красоте.

Точки-точки-точки... одни близко, другие далеко — это, должно быть, и есть места входов и выходов из Криалы. Вот только как найти нужный?

Тируан.

Тайра произнесла это слово мысленно, вложила в него силу, отправила, как отправляют летящую вдаль стрелу, и принялась наблюдать, как по воображаемой карте начинают расходиться круги — невидимая рябь.

Где же ты — незнакомый мир? Отыщись, укажи к себе путь.

Спустя несколько секунд, показавшихся ей долгими, почти вечностью, сознание ухватило, как край глаза иногда ухватывает мимолетное движение, идущий от одной из точек свет — более яркий, плотный, почти осязаемый. А еще через мгновение от того места, где находился ее разум, к засветившейся звездочке выстроилась дорожка — прямо от нее и до входа в нужное магу место.

И тогда, с резким вдохом, почти с хрипом, Тайра вывалилась из полудремы, выскользнула из сна и открыла глаза.

— А долго нам идти?

Теперь они шли вместе: Тайра впереди, полупрозрачный мужчина в простыне позади. Спереди туман, сзади тоже, а в голове — указывающий направление, светящийся путь. Тайра не видела расстояний, не могла определить их, лишь чувствовала, что идет правильно: пока нужно двигаться прямо.

— Не знаю. — Отозвалась она глухо. — Дорогу осилит идущий.

И маг шел следом. Не отставал и не роптал, верил ей. Она все ожидала, что он вот-вот пропадет — проснется и исчезнет, не достигнув цели, но мужичонка оказался напористым:

исчезать не спешил, вместо этого весело и бодро болтал.

— А я не так представлял это место — не таким темным что ли. Давно хотел совершить эту практику — мысленно переместиться в Тируан, но всегда знал, что придется пройти через Коридор. Сразу не решался, копил силы, много читал, медитировал. Слышал, что здесь можно встретить проводника — сущность, обитающую в местных просторах, но побаивался вступать «в контакт». Сущности — они ведь разные. Какие добрые, а какие и нет, но, говорят, что с проводником быстрее и надежнее, чем одному. Одному можно отсюда и не выйти, вот я и обрадовался.

Сущность. За всю жизнь ее величали по-всякому, но еще никогда «сущностью»; Тайра, поджав губы, молчала — следила за невидимой дорогой.

— А в Тируане, я читал, обитает интересная и очень развитая раса — хрустальные жители. Если предложить им что-то интересное — знания, которыми они не обладают, — то взамен они поделятся своими. Но из наших на такой риск пока никто не решался...

Наши...

Где-то там, где жил колдун, были, вероятно, совсем другие устои. И мир его был другим. Она хотела, было, поинтересоваться, как зовется его планета, но отвлеклась — вдруг почувствовала, что путь под ногами изменил направление. И если раньше нужно было двигаться вперед, то теперь он тянулся... вверх и направо.

Вверх и направо?

Ее сознание сделало кульбит. Как можно двигаться вверх — лететь? Подниматься по воздуху?

Ответ всплыл неожиданно и спокойно, будто всегда хранился в глубинах памяти, а, может, затесался туда вместе с данными из звездной карты: нужно повернуть вокруг себя мир. Здесь ведь нет неба и земли, здесь вообще ничего нет — ни привязки, ни притяжения — поэтому повернуть пространство можно.

Мысль показалась Тайре логичной, а вот физическое тело отреагировало тошнотой — не привыкло к искажениям реальности такого рода.

— Стойте, нам нужно... изменить направление.

— Стою. — Мужик остановился, принялся ждать. Он казался ей странным — слишком светлым, безбородым, пегим — не чернявым, как все жители Архана, и совсем не кудрявым. — А как мы будем менять направление?

И вскрикнул в тот самый момент, когда Тайра, взявшись обеими руками за туман, как за поручни круглого котла, потянула пространство за собой. То качнулось, накренилось, поехала вбок — далекое и близкое — начало стекать куда-то вниз вместе с туманом; бледный маг тут же зашатался, сделался еще бледнее и опустился на землю.

— Вы... Вы... мир крутите.

— Потому что дальше нам нужно двигаться вверх.

— Вверх?

Кажется, ему тоже было подобное в новинку.

— Да, вверх. Оттуда вниз-вправо, затем просто вниз, а потом немножко в обратном направлении. Так мы и придем. Я так понимаю, ваш Тируан не очень далеко.

Незнакомец оттянул простынь, тем самым оголив часть безволосой груди, и вытер тканью лоб. Тайра удивилась — проекции тоже потеют? Или же это привычка физической сущности?

— Вам виднее. — Бледный человек, сделавшийся после ее финта куда менее бодрым, не

спешил подниматься с земли — кажется, его тоже тошнило. — Вы лучше знаете, что делаете. Вы — проводник.

Девушка со слишком яркими для этого места желто-зелеными глазами смотрела на него какое-то время, но так ничего и не ответила.

— Он?

Они вместе, как дети, которые опасливо не решают приблизиться к тайному входу в сказку, смотрели на проступивший из тумана город — красивый, далекий, неуловимо-тревожный. С высокими шпилями башен и застывшими на горизонте облаками на фоне бледно-желтого неба. К городу вела пролегающая над бездной дорога — узкая и почти прозрачная, — хрустальный мост, а у самого основания моста, начинаясь чуть выше колен и заканчиваясь у самой макушки, застыло прозрачное окно — вход в мир. В нем цвета выглядели более яркими, плотными, настоящими. Тайра каким-то образом знала: пройди в него, и окажешься в физическом мире — не бестелесном и призрачном, а живом.

— Тируан?

— Я не знаю, я же его никогда не видел.

— Это он.

Она чувствовала это, знала: это место называется Тируан. Очередной неведомый ей мир — одни из миллионов, куда способен проводить Коридор. Прекрасное знание, если бы не грустное ввиду того, что ей наружу не выйти — не без души: Криала бездушную не выпустит.

— Что ж, я вас проводила...

Нужно было уходить, не терзать себя зрелищем. Стены далеких башен, освещенные солнцем склоны, вьющаяся лента далекой дороги — ей вдруг вновь как никогда сильно захотелось оказаться снаружи, а не заточенной внутри бесконечной звездной карты. Коснуться настоящих предметов, сесть на пыльную дорогу, привалиться спиной к стене — твердой каменной стене, а не свернуться калачиком в сероватой мути, в которой нет даже пыли, — почувствовать на щеках закатный свет уходящего солнца, ощутить кожей ветер, потрогать почву.

Мечты...

— Я обещал, что отблагодарю вас. — Теперь маг выглядел не таким бледным. Успех первой миссии — проход через Криалу — воодушевил его на новые подвиги, и щеки вновь налились цветом. — Это вам от меня, держите.

Мужское тело под тканью вдруг засветилось, засияло, и от него прямо в Тайру хлынул свет — хороший, теплый и упругий — энергия благодарности. Она впитала ее так жадно, будто сухая губка воду — всю без остатка, до последней капельки, — и внутри тут же сделалось легко и... сильно — другого слова, чтобы описать это ощущение, у нее не нашлось. Странное сочетание — Тайре оно понравилось.

— Спасибо.

— Это вам спасибо. — Бледнокожий маг повернулся к окну и задрожал от предвкушения. — Дошел, надо же, дошел. Нет, я понимаю, что там может быть всякое, но ведь... Как это прекрасно! И, если я буду осторожен... простите, отвлекся...

— Нет-нет, идите, вам пора.

— Да, у меня не так много времени. Еще раз благодарствую, сущность! Вы премного меня выручили.

Вместо ответа Тайра чинно и сдержанно кивнула.

Окно ее не впустило. Отозвалось под пальцами пружинистой поверхностью — гладкой и упругой — и ненавязчиво оттолкнуло назад. Не входи, мол, чужестранец, нельзя.

А ведь мужчина туда ушел. Ступил легко и просто и зашагал, придерживая сползающую простынь, по хрустальной дороге.

Ушел и даже не оглянулся.

Какое-то время она стояла, глядя на мост, — возбужденная и расстроенная одновременно, чувствуя, как по телу продолжает разливаться впитанное минуту назад приятное тепло, — затем тяжело вздохнула, развернулась и медленно побрела в противоположном направлении.

Она выйдет, когда-нибудь. Может быть. Если позволит Бог или Старшие. Сделает что-нибудь хорошее, полезное, и ей дадут выйти наружу — пусть даже без души — позволят дожить оставшиеся дни на поверхности ее собственного или какого-то другого мира.

В этот момент Тайре сильно, отчаянно, до дрожи в сердце и коленях хотелось в это верить.

Нордейл. Уровень 14.

Дрейк вглядывался то в черноту тренировочного зала, то в данные, что постоянно изменялись на встроенном в огромное стекло — от пола до потолка — экране.

Там, во мраке, в бесконечно изменяющемся пространстве, где из ниоткуда то и дело возникали зловещего вида монстры, с самого утра вот уже третий час подряд жили (выживали) четверо: Дэйн, Стивен, Баал и Аарон. Постоянно перемещались с места на место: то вдруг срывались с насиженной точки, резко, несмотря на громоздкую одежду и мешающий видеть полупрозрачный щит, переходили на бег, то быстро, завидев очередную тень-фантом, садились на землю и пытались спешно успокоить разогнавшийся до неприличной отметки пульс.

Пульс — это их все. Чем он спокойнее, тем менее интенсивное излучение идет от тел, и, значит, тем меньше шансов у теней (настоящих теней) заметить будущих путников.

Стивен Лагерфельд — врач-нейрограф — справлялся на отлично: он с самого начала был обучен базовым и продвинутым навыкам вывода эмоционального тела из стресса — моментально погружался в безмыслие, отталкивал атакующие мозг проблемы и вваливался в некое подобие симбиотического сна.

Молодец, отличный результат.

Чуть хуже, но все еще хорошо получалось понизить скорость сердцебиения у Баала — всего несколько секунд, и датчик, копирующий частоту пульса на экран справа, начинал удовлетворительно затихать. Две с половиной секунды назад была отметка «134», теперь «119» и продолжает понижаться. Хорошо.

За этих двоих Дрейк волновался меньше всего. Доктор и полудемон — почти отличная команда для Коридора, чего не скажешь о снайпере, которому в режиме реальных боевых действий пульс едва ли мешал целиться и стрелять, а также о стратеге, чье сердце спешно разгоняло ритм, но далеко не так спешно позволяло его успокоить.

[Купить полную версию книги](#)

Шлюхой — здесь и далее примечания автора.

Полное имя старого Кима.

Название мира Тайры — прим. автора.

Головной убор, напоминающий тюрбан — прим. автора.

По летоисчислению Архана — прим. автора.

Джина или демона Архана — прим. автора.

Носимое рабами сооружение наподобие паланкина — прим. автора.